

ЛЮБАЯ МЕЧТА
ИМЕЕТ СВОЮ ЦЕНУ...

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

ОПАСНЫЕ ЖЕЛАНИЯ

От автора бестселлера
«Дом соли и печали»

Эрин А. Крейг

Эрин А. Крейг

Опасные желания

Серия «Trendbooks magic»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67103217

Э. Крейг. Опасные желания: ООО «Клевер-Медиа-Групп»; Москва; 2022

ISBN 978-5-00154-777-8

Аннотация

Здесь монстры скрываются среди деревьев, темные секреты передают из уст в уста и нет ничего опаснее, чем исполнение желаний.

Не заходи за кромку леса.

Эллери Даунинг живет в тихом городке Эмити-Фолз. Девушка мечтает о яркой жизни, которая невозможна в поселении, окруженном глухим лесом. В городок никто не приезжает. Говорят, тени лесных чудовищ отпугивают незнакомцев...

За колокольчиками в соснах рыщут бесы...

Каждая зима здесь смертельно опасна. Хватит ли жителям припасов? Что будет, если чудовища нападут? Можно ли верить в благие намерения незнакомца из леса? Эллери продолжает мечтать, не зная, что любая мечта имеет свою цену. Какую она готова заплатить за жизнь своих близких?

Содержание

Основные семейства собрания	5
Бабье лето	7
1	7
2	15
3	31
4	50
5	64
6	80
7	91
8	100
9	119
10	145
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Эрин Крейг

Опасные желания

Erin A. Craig
Small Favors

Text copyright © 2021 by Erin A. Craig
Jacket art copyright © 2021 by Sean Freeman
© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2022

* * *

Моей маме.

*Спасибо за то, что ни разу не спасовала, когда
я просила рассказать мне страшилку.*

*Но еще... спасибо за то, что всегда придумывала
счастливый конец.*

Основные семейства собрания

Даунинг

Гидеон (пчеловод) и Сара, Сэмюэль, Эллери, Мерри, Сей-
ди

Дэнфорт

Сайрус (фермер), Ребекка, Марк

Макклири

Эймос (Старейшина, владелец магазина) и Марта

Додсон

Маттиас (Старейшина, кузнец) и Шарлотта

Шефер

Леланд (Старейшина, пастух) и Кора

Брайард

Клеменси (пастор) и Летиция, Саймон

Берман

Кельвин (хозяин таверны) и Вайолет

Латетон

Эдмунд (плотник) и Пруденс

Фаулер

Грэн (птицевод) и Элис (учительница)

Правила, составленные Старейшинами и утвержденные на первом Собрании Эмити-Фолз

1. Веревка из множества нитей прочна, не лопнет и не обветшает она. Вот так же и мы остаемся сильны, покуда в единый канат сплетены.

2. Возделывай поле, выращивай скот, И славный земля урожай принесет.

3. Пятнадцать весен дети подождут, А после на Собрание придут.

4. Коль ты замыслил причинить собрату вред, Знай: перед городом тебе нести ответ.

5. Пусть твой язык не произносит клеветы, Чтоб ближнего не очернил напрасно ты.

6. Когда порой в соседский дом стучатся беды, Не забывай: Господь велит помочь соседу.

7. Не заходи, коль жизнь мила, за кромку леса: За Колокольчиками в соснах рыщут бесы.

Бабье лето

1

Дым пах горящей сосновой хвоей – густой сладкий аромат. Он сочился из стоявшего передо мной улья, а нежный ветерок разносил его по полям. Папа надавил на меха и выпустил еще одно облачко дыма, направив его на входное отверстие высокого деревянного ящика. Он отсчитал секунды, беззвучно покачивая головой, и наконец кивнул.

Руки у меня были полностью закрыты, но все равно задрожали, когда я приблизилась к улью. Мне никогда раньше не разрешали доставать медовые рамки, и я очень хотела сделать все точно так, как сказал папа. Тихонько охнув от напряжения, я подняла тяжелую крышку и положила ее на траву, стараясь не потревожить трех сонных пчел, ползавших сверху.

Папа выпустил побольше дыма в глубь улья и отошел назад, уступая мне место.

– Достань одну рамку, посмотрим. – Его голос звучал глухо – папино лицо закрывала плотная сетка. Даже по его смутно различимому профилю было понятно, что он доволен. Даже горд. Я очень надеялась, что не подведу его.

Обычно во время сбора урожая я трудилась на кухне вме-

сте с мамой, Мерри и Сейди, а Сэмюэль помогал папе, таская к нам тяжелые рамки, полные меда. Я держала их, а мама брала широкий нож и проводила лезвием по сотам, уверенным движением срезая восковые печатки. Истекающие медом рамки отправлялись в большой металлический барабан, а Мерри и Сейди по очереди крутили ручку, пока содержимое сот не вытекало. После этого мед нужно было процедить.

Представляя, как мои сестры борются за место у очага, пока мама кипятит банки и выставляет их сушиться, я оглянулась на дом – Мерри и Сейди наверняка ссорятся и просятся на улицу. День был слишком чудесный, чтобы провести его у жаркой печки с железными ведрами. Словно соглашаясь со мной, где-то над головой прокричал ястреб, лениво круживший в лучах августовского солнца.

– Эллери, – позвал папа, и я повернулась к нему. – С первой рамкой может быть непросто. Иногда пчелы запечатывают края смолой, тогда придется выковыривать ее ножом.

– А это не разозлит пчел?

Я посмотрела в просветы между рамками. Привычное гудение стихло, но в нижних отсеках продолжалось движение.

– Нет, если все сделаешь правильно, – поддразнил папа, ничуть меня не утешив. Я чувствовала, что под сеткой он прячет улыбку. Когда мой отец впервые разрешил мне достать рамки, меня ужалили шесть раз. Это обряд посвящения.

Будучи дочерью пасечников, я, разумеется, уже успела по-

знакомиться с пчелиными укусами, но повторять этот опыт не хотелось. Когда меня впервые ужалили, мои всхлипывания всю ночь мешали домочадцам спать. Плакала я не из-за распухшей руки, а из жалости к бедной пчелке, которая умерла после укуса.

Я просунула руку под сетку и утерла пот с лица, размышляя, с чего начать. В каждом отсеке было по восемь рамок, четко расставленных на одинаковом расстоянии. Я выбрала одну, поближе к середине, и осторожно покачала ее, проверяя бока. Рамка двигалась легко. Я задержала дыхание и извлекла ее из улья, стараясь не задеть соседние.

– Ну давай посмотрим.

Папа наклонился поближе, изучая плоды пчелиного труда. Кружево сот покрывало рамку. Некоторые ячейки были заполнены и запечатаны, но большинство пустовали. Папа задумчиво цокнул языком:

– Рано. Похоже, урожай будет поздний. Слишком снежная была зима. Ставь обратно.

Я с величайшей осторожностью вернула рамку на место и вздохнула с облегчением.

– Теперь следующую.

– Мы все будем проверять?

Он кивнул:

– Если уж взялись подкуривать пчел, значит, нужно тщательно осмотреть весь улей. Нас интересует не только мед. Мы распорядители ульев и защитники пчел, поэтому долж-

ны убедиться, что они здоровы и ни в чем не нуждаются.

Поставив дымарь на землю, папа приподнял верхний отсек, чтобы заглянуть в нижние. Отставив первый отсек в сторону, он пересчитал рамки во втором, достал одну и аккуратно смахнул двух пчел, осоловелю цеплявшихся за соты.

– Ну-ка скажи мне, что ты видишь.

Я напрягла зрение, всматриваясь в рамку сквозь сетку. Здесь было больше сот, золотых, похожих на цветные стекла. В середине почти каждой ячейки виднелась белая крапинка не больше ячменного зерна.

– Это ведь яйца, да?

– Очень хорошо. И что это значит?

Вопрос застал меня врасплох, я почувствовала себя школьницей, маленькой, не старше Сейди, с торчащими коленками.

– Что матка откладывает яйца?

Папа хмыкнул, соглашаясь с моим утверждением и предлагая продолжить.

– А если она откладывает яйца, то это хорошо, так ведь? Рой здоров.

Папа согласно кивнул:

– Это значит, что у колонии есть матка. – Он указал на яйца. Его жесты, обычно уверенные и быстрые, замедлились из-за толстых перчаток. – Яйца такого размера означают, что матка заглядывала сюда не больше трех дней назад. Когда проверяешь ульи, нужно всегда искать свежие яйца. Если их

нет, значит, рой вымирает.

Папа поставил рамку на место, достал еще одну и показал мне личинки – пухлые белые комки, совсем не похожие на жужжащих у нас во дворе пчелок. В другой рамке лежали куколки, запечатанные в медовые коконы. Они спали, продолжая расти.

– Эти вылупятся уже через несколько дней, – с одобрением произнес папа. – Новые рабочие пчелы или трутни. Наш улей процветает, Эллери. Давай-ка поставим все на место, и пусть просыпаются. Проверим мед в следующем месяце.

– А с ними все будет в порядке?

Мой голос прозвучал встревоженно, и это страшно меня разозлило. Я же знала, что все будет хорошо. У папы ни разу не погибал рой. Но теперь, увидев, как все в улье взаимосвязано, рассмотрев все вблизи и подержав в руках, я с новой силой почувствовала хрупкость пчелиного существования. Забудешь вернуть рамку в улей – и пчелы заполнят пустоту сотами так плотно, что придется ломать улей. Неровно приладишь крышку, оставишь маленькую щелочку – и пчелы не смогут отрегулировать температуру внутри. Будут жужжать, махать крылышками, пытаясь согреть улей, и в итоге погибнут от усталости.

– Конечно, все будет в порядке. Ты сегодня отлично справилась.

Я залилась румянцем от удовольствия. Мне хотелось впечатлить папу, доказать, что я ничуть не хуже Сэмюэля. Это

он должен был стоять на моем месте в шляпе с сеткой. Но после завтрака брат улизнул, и папино лицо стало мрачным, как грозовые тучи над горными вершинами.

За лето Сэмюэль сильно изменился. Едва закончив домашние дела, он убегал с фермы со своим лучшим другом Уинтропом Маллинзом, а порой даже оставлял нам, девочкам, недоделанную работу. Сэм часто спорил с папой по мелочам, пока оба не краснели от злости, стиснув зубы и насупившись. Мама говорила, что он, наверное, бегал к девушке, но я не представляла, кто может быть его избранницей. Мы с моим братом-близнецом никогда ничего друг от друга не скрывали, и я не могла поверить, что у него теперь от меня секреты.

Мы надежно закрепили крышку улья. Опередив папу, я подняла дымарь и предложила отнести его в сарай. Отойдя от ульев на приличное расстояние, папа снял шляпу и сунул туда скомканную сетку вместе с перчатками.

– Похоже, зима будет хорошая, – предсказал он, размахивая на ходу руками.

Я улыбнулась, услышав, что он, фальшивя, насвистывает мелодию.

– Что это за растение? – спросил папа, указывая на розовые цветы у тропинки.

Я сняла шляпу, присмотрелась и гордо воскликнула:

– Огненная трава!

Папа недовольно цокнул языком:

– А настоящее название?

Пытаясь вспомнить вид, записанный мелким почерком в папиной ботанической книге, я с запинкой, неуверенно выговорила по-латыни:

– *Epilobium angustifolium*?

Папа улыбнулся:

– Очень хорошо.

– Может... может, я помогу тебе и со следующей проверкой? – спросила я, решив воспользоваться его хорошим настроением.

Он кивнул, и мое сердце радостно подскочило. Папа был немногословен, если только речь не шла о пчелах, – тогда он мог говорить часами.

Я завидовала Сэму, который родился всего на несколько минут раньше меня да еще и мальчиком. Он всегда шел в сарай вслед за папой не оглядываясь, спокойный и уверенный в своем месте в мире. А я тем временем сидела дома и ждала, когда наконец наступит новый этап в моей жизни. Ждала, когда за мной придет мальчик и даст мне новую роль. Роль жены. Роль матери. Все ждала. Ждала. Ждала. До сегодняшнего дня.

Я еще немного постояла в сарае, вцепившись пальцами в сетку. Было страшно разжать руки и отпустить волшебство этого вечера. Но вдруг у меня под пальцем раздалось гневное жужжание. В сетке запуталась пчела. Я попыталась осторожно распутать ткань и освободить насекомое, яростно пе-

ребиравшее лапками.

– Только не жаль, только не жаль, – зашептала я. – Я просто хочу помочь. Сейчас я тебя выпущу...

Жало вонзилось мне в палец, а по округе разнесся мучительный крик. Кричала не я.

Папа выскочил на улицу, откуда уже доносились новые вопли и крики. Это было не похоже на детскую игру, перешедшую в драку. Такую рану не спрятать под повязкой, такую боль не унять поцелуем в разбитую коленку. Крик эхом разнесся по долине и превратился в неясную какофонию боли и отчаяния.

– Эллери, сходи за матерью. Пойдем в город. – Папа был уже на полпути к дороге, ведущей в Эмити-Фолз.

Раздался новый крик, резкий и высокий, и у меня на шее, несмотря на теплую погоду, выступил холодный пот. Ноги словно приросли к земле. Я не хотела знать, что стало причиной такого страдания.

– Эллери! – позвал папа, заметив, что я отстала.

Я отбросила шляпу, чувствуя, как раздувается ужаленный палец. Мертвое тельце пчелы выскользнуло из сетки и упало в грязь.

Сэмюэль уже был здесь, в толпе, собравшейся у крыльца магазина, принадлежавшего Старейшине Эймосу Макклири. Расположенный напротив дощатого здания школы, магазин находился в самом сердце Эмити-Фолз. Сюда приходили с добрыми вестями, чтобы распространить их по городу, и с дурными, чтобы найти утешение.

Мама с папой пробрались сквозь толпу, а я схватила Сейди, чтобы она не полезла за ними. Мерри остановилась рядом со мной. Высокая и худенькая, она была мне почти по плечо. Я почувствовала, как сестра напряглась, увидев, вокруг чего столпились люди.

Молли Макклири – невестка Эймоса – распростерлась на туше Самсона, любимого жеребца ее мужа. Это был огромный конь ростом почти девятнадцать хэндов¹, но теперь, лежа на пыльной дороге и хрипя от боли, он казался намного меньше. Молли цеплялась за животное и всхлипывала, уткнувшись в чепрак. Края ткани были изорваны и покрыты бурыми пятнами. Кровь. В воздухе стоял едкий металлический запах.

– Мерри, ты не могла бы отвести Сейди к школе поиграть с другими детьми? – попросила я, пытаюсь заслонить лицо

¹ Хэнд (*англ. hand*) – мера длины, используемая для измерения роста лошадей.
19 хэндов = 193,4 см.

сестренки руками, чтобы скрыть от нее ужасную сцену.

Обоз под предводительством Джебедаи Макклири верхом на Самсоне вышел из города всего день назад. Что бы с ними ни случилось, семилетней девочке точно не стоило это слушать, какой бы взрослой она себя ни считала. Сейди начала вырываться, мотая светлыми косичками.

– Я хочу остаться, – возразила она. – Я уже не маленькая.

– Никто и не говорит... – начала было я, но Мерри умело перехватила инициативу.

– Смотри, вон Пардон и Тринити. – Она указала на подружек Сейди, которые тоже топтались у края толпы, то и дело поднимаясь на цыпочки, чтобы рассмотреть хоть что-нибудь. – Ты слышала, что Тринити на прошлой неделе подобрала пять костей? За один раз.

– Это невозможно, – фыркнула Сейди, с глубоким подозрением глядя на подружку.

Мерри пожала плечами:

– Так она сказала.

Сейди сунула руку в карман и достала горсть металлических безделушек.

– Я взяла свои с собой. Пойдем посмотрим, сможет ли она это доказать.

Она всегда носила с собой игральные кости, и мы все это знали. Я благодарно улыбнулась Мерри, когда наша сестренка громко вызвала девочек на игру в кости. Вскоре они уже отбежали от толпы и расположились на крыльце школы, рас-

правив на ступеньках свои легкие муслиновые юбочки. Мерри тоже присоединилась к их игре, отвлекая девочек, но я чувствовала, как ее встревоженный взгляд то и дело возвращается ко мне.

– Ты этого не сделаешь! Не сделаешь! – закричала Молли на Старейшину Маттиаса Додсона, вновь приковывая мое внимание к сцене перед магазином. Кузнец стоял над ней и конем, сжимая в руке пистолет. – Джеб никогда бы этого не допустил!

– Молли, посмотри на его ногу. Кость раздроблена. Такое не вылечить. Он уже не сможет ходить.

– Но он ведь сам вернулся сюда, разве нет? Значит, все не так плохо.

У меня перехватило дыхание, когда я заметила сломанную заднюю ногу животного. Она неестественно вывернулась. Маттиас был прав. Кости не смогут как следует срастись. Самсона придется пристрелить. Бесчеловечно было бы продлевать его мучения.

Маттиасу, младшему из Старейшин города, еще не было тридцати, и он почесывал затылок, словно мальчишка, явно надеясь, что вмешается кто-нибудь еще.

– Я не... Не знаю, как он сюда добрался, но нельзя...

– Джеб никогда мне этого не простит. Нет. Нет, не делай этого. – Молли провела рукой по гладкой черной шкуре жеребца. На ладони остался красный липкий след.

– Молли, дело ведь не только в ноге...

– Нет, говорю тебе! – Она мгновенно вскочила на ноги, отталкивая Старейшину и пистолет.

Толпа испуганно попятилась. Молли закрыла собой самые страшные раны жеребца, и ее платье спереди пропиталось кровью. Бок животного рассекали четыре глубокие раны от когтей, обнажившие жилы и кости. В уголках бархатных губ коня уже появилась белая пена.

Мама вышла вперед, жестом давая понять, что не имеет злых намерений. Она заговорила тихим, успокаивающим голосом, поглаживая женщину по спине – прямо как нас, когда мы болели.

– Самсону больно, Молли.

Та в слезах кивнула.

– Я знаю, это трудно, но ему сейчас нужно, чтобы ты проявила мужество и поступила правильно.

– Я знаю, – хрипло проговорила Молли. – Но Джеб...

– Джеб все поймет.

Дрожа, Молли обняла мою мать, запачкав ей платье.

– Он лучше сделает это сам. Он должен сам. Он никогда меня не простит, если...

Мама обернулась, всматриваясь в толпу ясными голубыми глазами. Она встретила со мной взглядом и продолжала искать человека, которого среди нас не было.

– Так где же он? Его уже отправили к доктору Эмброузу? И где его спутники?

Маттиас сглотнул:

– Больше никто не вернулся. Этот несчастный конь выбежал на дорогу, закатив глаза. Никогда такого не видел... Но Джеба с ним не было.

Я бросила взгляд на кромку деревьев, как будто обоз в полном составе мог в любую секунду вылететь из леса, спасаясь от того, что ранило павшего жеребца. Но сосны нависали над Эмити-Фолз, словно часовые, высокие и неподвижные.

Молли, сотрясаясь от сильной дрожи, упала на землю и уткнулась лицом в чепрак, заглушая свои крики. Они вырывались из глубины ее груди, острые и царапающие, как терновые шипы, раздирающие все подряд.

– Джеб никогда бы не бросил коня. Только если он... – Ее слова оборвались, утонув в рыданиях.

Мама опустилась на колени рядом с Молли, нашептывая что-то совсем тихо, так что мы ничего не слышали. В конце концов она помогла несчастной женщине подняться, и они медленно взошли на крыльцо магазина. Прежде чем скрыться за порогом, мама обернулась и решительно кивнула Маттиасу:

– Давай.

Кровавое дело свершилось раньше, чем мы успели отвернуться. На тушу набросили кусок парусины, чтобы нам больше не пришлось смотреть на бедное животное. Но я не могла отвести взгляд от четырех красных полос, расплзающихся по ткани, даже когда Сэмюэль возник рядом со мной, словно недостающая половинка комплекта. Наше сходство не было

полным, но золотистые волосы и выразительные серые глаза сразу выдавали наше родство.

– Что же случилось с обозом? – прошептала я.

Внутри все сжималось и переворачивалось. Если в лесу водилось нечто, способное завалить такую большую лошадь, я боялась представить, что оно может сделать с человеком. Сэмюэль поправил соломенную шляпу, окидывая взглядом лес.

– Я не знаю.

– Все остальные... Как ты думаешь, они...

– Не знаю, Эллери, – отрезал брат.

– Где ты пропадал все утро?

– Я... Я был на берегу, мы слышали крики. Когда я добежал сюда, Самсон уже... – Он указал на парусину. – С такой раной и сломанной ногой... Но, как и говорил Маттиас, больше никого не было... Только он.

– «Мы» – это кто?

Он отвел взгляд от деревьев и что-то невнятно пробурчал.

– Ты сказал: «Мы слышали крики». Кто это «мы»?

Прежде чем Сэмюэль успел ответить, невысокая женщина средних лет протолкалась вперед сквозь толпу.

– На него явно напали звери, – предположила Пруденс Латетон, жена плотника. – Может, волки.

– Никогда не видел волка с такими большими когтями, – возразил Клеменси Брайард, проводя рукой по парусине в том месте, где проступили кровавые отметины. Даже широ-

ко растопыбив пальцы, он не смог накрыть всю рану. – Наверное, медведь.

– Но вой... – начала было Пруденс и тут же осеклась. Ее бледные глаза забежали по толпе, ища поддержки. – Вы ведь все это слышали? Ночью? Просто... просто ужас. И так близко к городу.

Я знала, о чем она. Уже три ночи подряд я просыпалась от волчьего воя. Он пронизывал темноту – отвратительный, леденящий кровь. Я понимала, что на чердаке мне ничего не грозит, но все равно прижималась поближе к Мерри, стараясь согреться.

– Буквально на прошлой неделе к опушке подходил гризли, – подтвердил догадку пастора Сайрус Дэнфорт. – Чертовски огромный, никогда такого не видел. – Он провел рукой на уровне своего плеча, показывая примерный рост животного. – И это на четырех лапах. Вынюхивал что-то у копильни Абея. Я и подумать не мог, что он... что вот так получится.

– Где остальные Старейшины? – спросил папа, повернувшись к Маттиасу. – Нужно собрать поисковый отряд.

Кузнец почесал бороду, темную и блестящую, как шкурка бобра.

– Леланда Шефера я не видел. Кора сказала, что сегодня утром он погнал стадо на западную гряду. Оттуда не слышно, что тут творится.

– А Эймос?

Мы все бросили встревоженный взгляд на магазин. Даже во дворе были слышны всхлипывания старика.

– Им с Мартой сейчас нужно побыть с Молли, – ответил Маттиас. – Кстати, пастор Брайард! Может, им потребуются слова утешения?

Пухлые губы Клеменси огорченно скривились. Он явно предпочел бы остаться и понаблюдать за развитием событий. Вздыхнув, пастор приосанился, насколько позволял его небольшой рост, и благодушно кивнул.

– Полагаю, ты прав, Маттиас. Помолитесь о семействе Макклири. Благослови вас Господь.

– Благослови вас Господь, – повторили мы все вслед пастору, который решительно зашагал к магазину.

– Мы сами все организуем, – предложил папа, возвращаясь к прерванному разговору. – Если на них напал медведь или другие животные, отряд мог разбежаться по лесу. Возможно, кто-то ранен или заблудился.

– Еще чего! – Сайрус сплюнул сок от жевательного табака, чуть не попав на платье Пруденс. Та отскочила, сморщив нос от отвращения. – Этот бестолковый жеребец, может, просто сбросил Джебба и наткнулся на медведя, пока бежал домой.

Папа покачал головой. Ферма Дэнфортов граничила с нашими полями. Между нашими семьями годами копились старые распри, о которых никто так и не забыл. Папа и Сайрус при необходимости могли держаться друг с другом вежливо, но где-то внутри продолжала бурлить враждебность,

готовая в любую секунду хлынуть через край.

– Нужно хотя бы обыскать лес вблизи от города. Это наш долг.

– Посмотри на жеребца. Его порвали в клочья. Хочешь, чтобы и тебя так же, Даунинг? Чтобы к твоей жене и дочерям тоже вернулась лошадь без всадника?

Папа прищурился:

– Нет, конечно. Но если есть шанс, что остальные выжили...

Муж Пруденс, Эдмунд Латетон, протянул руку к папе. Ростом он был даже ниже жены, а бороду носил квадратную, аккуратно подстриженную.

– Гидеон, возможно, лучше будет подождать. Обоз должен вернуться через неделю...

– Если бы ты оказался в отряде, хотелось бы тебе, чтобы мы подождали еще неделю?

Эдмунд сглотнул, и кадык у него качнулся, как корабль на волнах.

– Я... Нет, но... Мы тоже кое-что видели. Не гризли, – быстро уточнил он, заметив, что жена готова возразить. – А может, и гризли... Не знаю. Оно было большое, с серебристыми глазами...

– Со светящимися серебристыми глазами, – добавила Пруденс.

– Со светящимися серебристыми глазами, – согласился Эдмунд. – И двигалось быстро. Таких проворных медведей

я не видывал. — Он то открывал, то закрывал рот, явно не зная, чем закончить рассказ. — Да, окажись я там, в лесу, мне бы очень хотелось, чтобы меня отыскиали... Но после того, что я видел... Не желаю оказаться в числе тех, кто пойдет на поиски.

— «Светящиеся серебристые глаза», — повторил Сайрус и театральным жестом пошевелил пальцами. — Городишь такую же ересь, как твой чокнутый папаша, Латетон.

Отец вскинул брови:

— А ты, стало быть, готов вызваться в поисковый отряд, Дэнфорт?

Сайрус приложил ко лбу и без того мокрый от пота платок:

— Вот уж нет. Не стану гробить себя ради Джебедаи Макклири. И плевать, что он сын Старейшины. Ему известно, чем он рискует каждый раз, когда отправляется за перевал. Как и остальным безумцам, которые едут с ним.

— А ты разве не пользуешься привезенными им припасами? — скептически спросил папа.

— Я самодостаточный человек, — с важным видом заявил Сайрус, гордо выпятив грудь, — судя по всему, чтобы взять внушительностью там, где не мог взять ростом: папа был выше него на пару дюймов.

— Самодостаточный человек, который сегодня утром пил кофе с сахаром, — пробормотал Сэмюэль, презрительно фыркнув.

Я так внимательно прислушивалась к спору, что пропу-

стила замечание брата мимо ушей. Но оно, словно репей, запуталось у меня в мыслях, требуя обратить на себя внимание. Я наклонилась к Сэмюэлю и понизила голос:

– Откуда ты знаешь, с чем пьет кофе Сайрус Дэнфорт?

– Что? – спросил брат, застыв на месте, и с неожиданным вниманием уставился на отца, будто не мог оторвать взгляд.

– Ты только что сказал, что сегодня утром он пил кофе с сахаром, – не отставала я. – Зачем ты ходил к Дэнфортам?

– Я... не ходил.

Сэмюэль совершенно не умел врать: у него всякий раз краснели уши и он запинаясь перед каждым словом. Меня отвлекло какое-то движение на краю толпы. Я повернула голову и увидела только что подошедшую Ребекку Дэнфорт. Моя лучшая подруга помахала мне. Я по привычке подняла руку в ответном жесте и только потом заметила, что Сэмюэль сделал то же самое. Он не сводил с Ребекки глаз, а когда наконец повернулся ко мне, его улыбка померкла, а щеки покраснели.

– Ты что, ходил сегодня к Ребекке? – чуть слышно прошептала я. Осознание ударило, словно молния, совершенно ошеломив меня. – Так это к ней ты все лето сбегал из дома? К Ребекке Дэнфорт?

– Нет! – уперся он. – Отстань, Эллери.

– Ты за ней ухаживаешь?

– Я же сказал, отстань.

– Но...

— Хватит! — сердито огрызнулся он. Его густые брови гневно сошлись у переносицы, а лицо покрылось красными пятнами.

Напоследок я еще раз покосилась на Ребекку. Мысли лихорадочно метались. Когда мама предположила, что Сэмюэль бегают на свидания к девушке, я и предположить не могла, что ею окажется Ребекка. Это было просто невозможно.

По-хорошему, мы и вовсе не должны были подружиться. Разлад между нашими семьями тянулся несколько поколений и начался еще до того, как ее прадед убил моего. Но поскольку наши фамилии начинались на одну букву, в школе нас все время сажали за одну парту, а необходимость находиться рядом часто становится началом прекрасной дружбы. Все детство мы делились едой, которую приносили с собой на обед, плели друг другу венки из клевера и рассказывали истории, сидя на лугу между нашими домами. И даже повзрослев, мы все равно делились друг с другом всем: книгами, рецептами, даже немногочисленными украшениями. Она не смогла бы скрыть от меня такой секрет.

А Сэмюэль... Мы ведь близнецы. Я должна была почувствовать, должна была догадаться. Но теперь, глядя на них, я поняла, что все пропустила. Если нас и связывали какие-то особые узы, они оказались не такими крепкими, как я думала. Я пребывала в полном неведении. Ни малейшего подозрения не закралось в душу. У меня покраснели щеки, а внутри все сжалось, когда я представила, как их, должно

быть, забавляла моя недогадливость.

Когда это началось? Буквально на прошлой неделе Ребекка ночевала у меня. Мы легли на сеновале и хихикали, обсуждая мальчиков нашего города, пока луна не скрылась за горами. Ребекка, наверное, решила, что это отличная шутка – ни словом не выдать себя. Наверное, посмеивалась надо мной – над последней дурочкой, которая так и не разгадала ее секрет.

– Я отправлюсь в лес, – решительно заявил папа, возвращая меня в настоящее. – Джеб никогда не отпустил бы своего коня. Должно быть, и впрямь случилось что-то ужасное... Я не могу никому приказать пойти со мной, могу лишь попросить. Это наш долг, что бы ни ожидало нас в лесу.

– Дурацкая затея, – язвительно бросил Сайрус. – А я не дурак. Не желаю в этом участвовать. – Он раздраженно сплюнул остатки табака. – Кто-нибудь, прикопайте эту лошадь, пока не завоняла.

Он зашагал прочь, что-то бормоча себе под нос. Ребекка сжала губы. Папа окинул взглядом толпу. Его темно-серые глаза останавливались на каждом из присутствующих мужчин. Он помедлил, явно надеясь, что кто-нибудь вызовется сам.

– Джудд Абрамс?

Высокий хозяин ранчо запустил пятерню в седеющие волосы и смущенно взлохматил их.

– Ты же знаешь, я бы пошел, но у меня целое поле бере-

менных телок, вот-вот разродятся. Не могу их бросить.

Папа провел языком по зубам.

– Кельвин Берман?

Вайолет схватила мужа за локоть, безмолвно умоляя его остаться. Помедлив несколько секунд, хозяин таверны покачал темными кудрями.

– Маттиас Додсон? Пойдешь со мной?

Мне было больно видеть, как в глазах отца погасла надежда, когда Старейшина отмахнулся.

– Ты же понимаешь, я не могу оставить город, тем более сейчас, когда у Эймаса беда.

Трое Старейшин были привязаны к городу намного прочнее, чем остальные его жители. Они были хранителями закона и традиций, справедливости и порядка. Если пастор Брайард заботился о душе Эмити-Фолз, то Старейшины оберегали голову и сердце города.

– Я пойду с тобой, папа.

Я услышала эти слова и только потом поняла, что сама произнесла их. По толпе пробежал встревоженный ропот, но мне было все равно. Сегодня утром я уже помогала отцу и теперь готова была прийти на помощь. Я докажу ему, что ничуть не хуже Сэма. Даже лучше. Потому что я здесь. Я рядом. На меня можно положиться. Мое лицо вспыхнуло, когда папа покачал головой.

– Я могу быть полезна. Могу по крайней мере... – Я напряглась, пытаюсь придумать что-нибудь, что снимет с его

плеч тяжесть поражения. – Кусты, через которые пробежал Самсон! Там наверняка осталась кровь. Их надо сжечь, иначе по следу может прийти кто угодно. Позволь мне хотя бы с этим помочь.

– Мне нужно, чтобы ты осталась дома, Эллери, и позаботилась о сестрах.

– Мама спустит с тебя шкуру, если узнает, что ты пошел в лес совсем один. А как же Правила? – не унималась я, даже когда папа отвернулся. – Тебе нельзя идти одному.

Маттиас открыл рот, наверняка собираясь сделать какое-нибудь заявление касательно Правил, хотя и не имел на это права в отсутствие других Старейшин, но его опередил Сэм:

– Она права, папа.

Ребекка встала рядом с ним, едва не касаясь его руки.

– Нельзя идти одному.

– Что-то я не слышал, чтобы ты предложил помочь мне с поисками. По правде говоря, ты все лето не стремился предлагать свою помощь, – парировал папа.

– Я...

Что бы там ни собирался ответить Сэм, все слова высохли у него на языке, когда папин пронизательный взгляд упал на их с Ребеккой едва ли не переплетенные руки.

– Я вижу, после моего возвращения нам многое нужно будет обсудить.

Сэмюэль оттолкнул руку Ребекки и кинулся за отцом.

– Я пойду с тобой.

– Сэм! – воскликнула Ребекка с нежностью и мольбой, но мой брат не остановился. Мне пришлось отступить в сторону, чтобы он не задел меня, торопясь нагнать отца.

Папа прикусил щеку:

– Ладно. Иди собирай вещи, только быстро.

Я ударила по тесту, и кулак с приятным шлепком врезался в теплую мягкую массу. Следующий удар оставил огромную вмятину, а затем я собрала тесто в буханку. Получилось криво. Я снова ударила по тесту.

– И чье же лицо ты сейчас представляешь? – спросила мама, обходя высокий кухонный стол с подносом свежеспеченного хлеба. Выложив готовые буханки остывать на решетку, она поспешила обратно к печке.

– Не понимаю, о чем ты, – ответила я, снова бросив тесто на стол. Облачко муки поднялось в воздух и смешалось со сверкающими пылинками, плясавшими в лучах вечернего солнца, окрасившего кухню в оранжевый цвет.

– Тебя что-то тревожит со вчерашнего дня, с тех самых пор, как мы вернулись из города, – заметила мама. – Ты разбила это несчастное тесто в лепешку.

Тыльной стороной ладони я смахнула со лба выбившийся из пучка локон. Я собирала волосы в пучок только в те дни, когда занималась выпечкой. В кухне, пропахшей дрожжами, стояло пекло, и с моей обычной толстой косой было слишком жарко.

– У всех бывает плохое настроение, в этом нет ничего страшного, – продолжала мама, возвращаясь к столу. Она забрала у меня тесто и придала ему сносную форму. – И уж

точно нет ничего страшного в том, чтобы выместить злобу на выпечке. Я именно так и делаю, когда твой папа чем-нибудь меня разозлит. Зачем начинать ссору, когда можно испечь буханку хлеба?

Она с размаху бросила тесто в форму, словно добавляя восклицательный знак к последнему предложению.

– Мама, так мы ведь почти каждый день печем хлеб.

В ее глазах сверкнули веселые искорки. Она коснулась кончика моего носа пальцем, оставив мучной след.

– Вот именно.

Мама поставляла выпечку в город – в таверну Берманов и в магазин. У нее хорошо получался хлеб на закваске, и даже самые прижимистые скупцы готовы были отдать Эймосу Макклири блестящую десятицентовую монетку, лишь бы заполучить буханку. А уж за ее медовыми тортами выстраивался в очередь весь город.

Она готовила их всего раз в год – сразу после сбора урожая, когда весь извлеченный из сот мед был уже разлит по банкам. Убедившись, что наша кладовка заполнена, папа продавал излишки в городе по доллару за банку. Горожане возмущались такой высокой цене, но покупателей всегда хватало, и мед расходился за один день. Весь, кроме трех банок. Их папа оставлял для мамы.

Ее торты были обманчиво просты: мука, специи, свежие сливки и по три яйца на каждый. Ни орехов, ни шоколада, ни сахарной глазури. Мама никогда не добавляла ничего лиш-

него, чтобы не отвлекать внимание от главного ингредиента – папиного меда.

Как нам рассказывали, вскоре после свадьбы мама принесла свой первый медовый торт на церковное собрание и женщины со всего города накинулись на нее, выпрашивая рецепт. Но никому не удалось повторить его, несмотря на драгоценный мед, купленный у папы. Когда у мамы спрашивали, как у нее получались такие тонкие и сочные коржи и такой идеальный карамельный привкус, она загадочно улыбалась и отвечала, что нужно просто добавить щепотку любви.

Некоторые утверждали, что это скорее щепотка волшебства. Даже пастор Брайард – после того как его жена приготовила особенно неудачный торт – заявил, что маму, должно быть, благословили ангелы небесные. Иного объяснения и быть не могло.

Я много лет наблюдала за тем, как она готовит торты, и запоминала каждый шаг – даже то, как ее пальцы плясали по скалке, – но мне так ни разу и не удалось повторить ее успех. Может, мама и впрямь владела магией.

– Расскажи, что тебя тревожит, – попросила она, рассыпая новую горсть муки, прежде чем достать еще одну порцию теста.

Я потеряла заусенец, дергая его из стороны в сторону, пока он не оторвался, и не зная, что сказать. Сэмюэль с папой отправились в путь, пока мама сидела с Молли. Она еще

не слышала, к кому мой брат бегал все лето, а я, хотя и злилась на него, все же понимала, что эту историю он должен рассказать сам.

– Ты волнуешься за Сэма, – предположила мама, и я не могла с этим не согласиться. – И за отца.

Мы до поздней ночи смотрели, как между деревьев мерцали пылающие кустарники. Мама ничего не говорила, но я понимала: она рассчитывала, что они вернутся в тот же день.

– Ты... ты никогда не задумывалась о том, каково это – жить за пределами Эмити-Фолз?

Этот вопрос всплыл откуда-то из глубины, застав врасплох даже меня саму.

– За пределами долины? – уточнила мама.

Я кивнула.

– Не могу сказать, что никогда об этом не думала. Особенно в твоём возрасте. Мне хотелось уехать, посмотреть мир. Увидеть большой город, очертания высоких домов на фоне неба. Купить красивое платье и выпить чаю в настоящем ресторане.

– А почему ты этого не сделала?

Она пожала плечами:

– Другие мечты оказались важнее.

– Папа?

– И ты. Твой брат. Наш общий дом. – Она помедлила, задумчиво перекатывая тесто из руки в руку. – Твой отец однажды уезжал из Эмити-Фолз. Когда пропал дядя Эзра.

Эту историю я хорошо знала. Как-то летом Эзра, младший брат моего отца, отправился на охоту один, отважившись зайти за Колокольчики. Он не вернулся. Жители нашего городка искали его больше недели, но в итоге сдались.

– Гидеон никак не мог успокоиться. Он был уверен, что Эзра еще жив и бродит где-то там. Твой папа отправился за перевал искать его по ближайшим селениям и даже добрался до города.

– Но так и не нашел его, – закончила я.

Мы выросли, слушая истории об Эзре и его любви к приключениям. О нем всегда говорили, понизив голос.

– Твой отец до сих пор считает, что Эзра живет где-то там и однажды вернется. Каким бы большим, бескрайним и удивительным ни был мир, рано или поздно человека начинает тянуть к дому.

Я готова была ответить, признаться, что тоже хочу уехать и найти свое место в этом бескрайнем и удивительном мире, но в это мгновение полосатый кот моей сестры Сейди выскок из откуда-то и с шипением приземлился на стол.

– Сейди, сколько раз я тебя просила не пускать Орешка в дом, когда я занята выпечкой? – громко крикнула мама, чтобы ее было слышно даже в сарае, где играла моя сестра.

Маленькая фигурка Сейди промелькнула в окне. Звук шагов по щербатым ступенькам крыльца еще сильнее разозлил кота.

– Простите, простите! – воскликнула Сейди, врываясь в

кухню. — Мы взяли его с собой в сарай, просто он испугался!

— Это что же там за ужасы такие, что даже это чудовище испугалось? — сказала я и отскочила от стола, когда кот замахнулся на меня лапой с острыми, как кинжалы, когтями.

Сейди нашла его котенком, когда ему было всего несколько дней. Кто-то бросил его в мешке у речки, протекавшей за папиными ульями. Сестре не разрешали там играть, но она сказала, что слышала мяуканье. Мы все были уверены, что котенок не доживет до вечера, но Сейди взялась кормить его молоком каждый час, а на ночь брала с собой в кровать. Теперь он считал ее хозяйкой, а всех остальных терпеть не мог. Папа сказал, что ему не нужно такое злобное животное, но Орешек оказался отличным мышеловом, поэтому его оставили.

— Наверное, он увидел чудовище с серебристыми глазами, — начала объяснять Сейди, но тут в кухню вошла Мерри с двумя полными ведрами молока. Дверь с грохотом захлопнулась у нее за спиной, спугнув Орешка. Тот взвыл и спрыгнул со стола. — Тринити говорит, что видит их за окнами по ночам. Наверное, и Орешек их увидел.

— Да это Бесси его лягнула, — возразила Мерри, окидывая взглядом решетки с остывающим хлебом в надежде перекусить. — Этот зверь хватал ее за ноги. Бедная корова.

— Моя милая разумная девочка, — сказала мама, взяв Мерри за подбородок и нежно потрепав по щеке. Затем она повернулась к Сейди. — А ты поменьше слушай, что болтает

Тринити Брустер. Эта девчонка любит выдумывать небылицы.

Сейди согласно хмыкнула:

– Это верно. Сегодня она не смогла схватить даже три кости.

– Однако же странно, вам не кажется? – спросила я, распределяя муку по столу. Мама тем временем взяла корзинку с бурыми яйцами, чтобы замесить новое тесто. – Латетоны тоже говорили про существ с серебристыми глазами. Почему стольким людям мерещится одно и то же?

– Такое бывает в маленьких городках, – ответила мама тоном мудрого знатока. – В больших городах много всего происходит, так что у людей больше тем для разговоров. А здесь достаточно одному человеку что-нибудь сказать – и через минуту об этом известно всем. Мы молчим о том, о чем действительно хочется поговорить, вот людям и приходится выдумывать темы для обсуждения. Намного проще думать, что твой враг прячется в чаще, чем знать, что он живет по соседству.

– Как мистер Дэнфорт? – спросила Сейди, плюхнувшись на стул.

Орешек устроился у нее на руках и заурчал, мгновенно превратившись в милейшее создание. Я готова была поклясться, что он усмехнулся, встретившись со мной взглядом.

– Как мистер Дэнфорт, – согласилась мама, просеивая му-

ку и дрожжи в миску.

– Вильгельмина Дженкинс говорит, что Сэм хочет жениться на Ребекке Дэнфорт. На прошлой неделе она видела, как они целовались у озера. – Сейди принялась болтать ногами. – Как думаете, мистер Дэнфорт помешает свадьбе?

– Вот уж кого не могу представить невестой Сэмюэля, так это Ребекку Дэнфорт, – рассмеялась мама. – Вильгельмине Дженкинс не помешало бы проверить зрение.

Я начала выводить на муке спирали. Мама, как и я до вчерашнего дня, ни о чем не догадывалась. Казалось бы, это должно было меня утешить, но живот тревожно сжался и занял от необходимости умалчивать правду. Мама взяла из корзинки яйцо и умело вскрыла его двумя пальцами. Я всегда поражалась этой ее способности.

– Смотрите, – сказала она, указывая в миску. – Двойной желток. Признак удачи.

Сейди перегнулась через стол. Два желтка уставились на нас, точно глаза. Мама взяла второе яйцо и разбила его в миску. У нее перехватило дыхание. Снова двойной желток.

Подгоняемая любопытством, я тоже схватила яйцо и осмотрела его. Оно ничем не отличалось от остальных. Я разбила его о край миски и тут же отбросила, будто у меня в руках оказалось что-то противное и отвратительное.

Мы вскрыли всю корзинку, испортив мамино тесто и впустую потратив дюжину яиц. В каждом было по два желтка.

– Никогда такого не видела, – мрачно пробормотала мама,

окинув взглядом желтую массу.

– Может, это значит, что мы очень везучие? – спросила Сейди. – Это ведь хорошо, правда? Тем более сейчас, когда папа с Сэмом в лесу. Я бы побоялась идти туда, раз там столько чудовищ.

– Нет там никаких чудовищ, – ответила мама, еще раз взглянув на миску и отодвинув ее от себя. От разбитых яиц поднимался пар. – Просто какой-нибудь медведь слишком близко подошел к Эмити-Фолз. Или, может, пара волков отбилась от стаи.

– Но раньше ведь тут водились чудовища, – не унималась Сейди. – Мне Эбигейл рассказала.

Где-то в начале лета моя сестренка придумала себе воображаемую подругу. Ее звали Эбигейл, и, если верить Сейди, она была красивой, как принцесса, носила роскошные платья и шелковые туфельки. Выдуманная подружка нашептывала Сейди городские сплетни, а та пересказывала их нам в самые неподходящие моменты. Я как-то подслушала, как мама сетовала отцу на существование Эбигейл. Ее тревожило, что Сейди уже слишком взрослая для выдуманных друзей, но папа был не против. Мы жили на отшибе, а большинство подружек Сейди – в городе, и если ей хотелось поболтать с кем-нибудь, пока она доит коров или бегают по ферме, отец не возражал.

– Некоторые считают, что да, – ответила мама, предпочитая избегать упоминаний об Эбигейл.

– А ты нет?

– Я думаю... – Она со вздохом смахнула со лба выбившиеся прядки. – Я думаю, что, когда наши Основатели прибыли сюда, они были измучены тяготами пути. Они потеряли многих спутников в столкновениях с дикими животными, и им хотелось свалить вину на какого-нибудь врага, огромного и дикого, как сама эта земля. Поэтому они сложили рассказы о чудовищах и развесили Колокольчики. Но прошло время, а этих существ никто не видел уже много десятилетий. Тебе это известно.

– Потому что у нас есть Колокольчики, – настаивала Сейди, твердо верившая в легенды Эмити-Фолз.

– Потому что никаких чудовищ никогда и не было, – сказала мама, отряхнув муку с ладоней. Орешек увидел в этом жесте прямую угрозу своему благополучию, соскочил с колен Сейди и скрылся в темном углу. – Если этот кот залезет в тесто, ночевать сегодня будет на улице.

– Но там ведь чудовища! – взывала Сейди, кинувшись вслед за котом. – Эбигейл сказала, что они его с удовольствием сожрут!

– Нет никаких чудовищ, – повторила я вслед за мамой.

Будто опровергая мои слова, по долине разнесся жуткий вой. К нему присоединился еще один. И еще. Это был не одинокий волк, бродивший слишком близко к городу. Это была целая стая, и, похоже, она вышла на охоту. Я подумала о папе и Сэме, которые ходят по лесу совсем рядом с волками,

и вздрогнула. Даже мама застыла и зашептала молитву:

– Только не Гидеон, только не мой Гидеон.

Когда вой стих, мама посмотрела на нас, взвешивая наши страхи.

– Нужно зажечь Наших Дев.

По коже у меня пробежал холодок, и руки покрылись мурашками, несмотря на духоту в кухне. В последний раз Дев зажигали в марте, когда город накрыла густая метель и в колючей обжигающей белизне невозможно было ничего разглядеть.

– Наших Дев? – с замиранием в голосе произнесла Мерри.

Мама набросила на последнюю порцию теста влажное полотенце.

– Пусть постоит до моего возвращения. Эллери, ты за старшую.

– Не уходи! – воскликнула Сейди, скинув с себя Орешка и вцепившись в мамины юбки. – Там чудовища! Ты же слышала, как они воют!

Мама попыталась высвободиться из цепкой хватки моей сестренки.

– Меня не будет меньше часа. Начну с восточной границы, а потом люди в городе увидят огонь и зажгут остальные.

– Я пойду. – Слова вырвались раньше, чем я успела принять окончательное решение. – Держу пари, у меня получится зажечь пять штук до темноты.

Мамин взгляд смягчился. Она сжала мою руку.

– Ты очень смелая, Эллери.

Мерри широко распахнула глаза. Она явно пыталась набраться смелости, чтобы вызваться пойти со мной. Я сжала ее руку.

– Возьму фонарь. Скоро вернусь, вы и глазом моргнуть не успеете.

* * *

Нашими Девами мы называли цепь огромных костров, сложенных вдоль границ Эмити-Фолз всего в нескольких ярдах от высоких сосен. Здесь заканчивался город и начиналась дикая чаща.

Три поколения назад, когда город только зарождался, семейство Латетон создало первую цепь костров, подобрав материалы и форму таким образом, чтобы костры могли гореть всю ночь. Их силуэты пугающе напоминали высоких изящных девушек – широкое основание было похоже на юбку, – за что и получили свое название. Как Дева Мария оберегает свою паству, так и Наши Девы защищали Эмити-Фолз от тьмы чистотой своего пламени.

Поначалу костры жгли каждую ночь, чтобы лесные жители не смели выходить из сосен. Но город вырос, дикие земли покорились человеку, и теперь Наши Дев зажигали только во время бурь или когда кому-нибудь хватало глупости забрести в лес и заблудиться. Готовые костры были разбросаны

по периметру города. Заготовленные дрова торчали из куч, точно ребра, и ждали своего часа. Когда костры загорались, то освещали все вокруг своим янтарным сиянием. Длинные дрожащие тени плясали по долине, словно чьи-то вытянутые жадные руки, готовые схватить несчастных, заблудившихся в лесу.

Пока я шла через цветочное поле, краешек солнца уже начал опускаться за западную гряду Черных Зубцов. Горы, состоящие из четырех вершин и отдельной пятой, одиноко стоящей на юге, часто называли Дланью Господней. Эмити-Фолз раскинулся в самом сердце долины. Горные стены внушали некое умиротворение, как будто мы и впрямь жили на ладони Отца Небесного.

Семейства Основателей отправились в путь на повозках, стремясь к обещанной им земле изобилия под западным солнцем. Караван преследовали несчастья. Их скот и даже некоторые спутники пали жертвами опасного пути и свирепых горных хищников. Когда прадед Маттиаса Додсона обнаружил прекрасные берега Зеленого озера и изобильную, пригодную для фермерства землю, раскинувшуюся на много миль, караван встал здесь лагерем, да так и остался навсегда. Они развесили Колокольчики – всевозможные ненужные латунные и серебряные вещицы, какие нашлись под рукой, – вдоль опушки леса, утверждая, что их чистый звон способен сдерживать жуткие тени. Прибывали новые семьи, вырубая окружающие леса и развешивая новые Колокольчики, теперь

уже настоящие, с язычками, и так чудовища из легенд были изгнаны из поселения. Лагерь превратился в деревню, деревня – в город.

Сумерки расплзались по полям, и непрерывный звон цикад постепенно смолк. Только когда стрекот прекратился, я поняла, каким он был громким. От внезапной тишины у меня заныли зубы. Даже Колокольчики молчали. В горах сумерки были короткими, и мне не хотелось спотыкаться о корни деревьев и продираться сквозь терновник в темноте. Наши цветочные поля закончились. Я помедлила, задержав дыхание, привстав на цыпочки и вглядываясь в море пшеницы, раскинувшееся передо мной.

От сосен меня отделяла только эта широкая полоса, пожелтевшая под летним солнцем. Колосья были выше меня ростом, и я знала, что, когда войду в них, мне придется ориентироваться по мелкой россыпи звезд в небе. Если на поле кто-то есть и хочет напасть на меня, я не успею ничего предпринять. Я пыталась прогнать от себя мысли о чудовищах с серебристыми глазами, но стоило только колючему колоску коснуться моей щеки, и у меня душа ушла в пятки.

Легкий ветерок пробежал по полю, разгоняя духоту. Пшеничные колосья зашептались, качая головками, словно подзывая меня к себе. Горло сжалось и пересохло.

Я шагнула внутрь. Стебли легко расступались передо мной. Я прошла всего несколько футов, но мне уже казалось, будто меня проглотили целиком. Где-то в глубине пшенич-

ного поля что-то хрустнуло. Я замерла, напрягая слух. Джон Брустер, отец Тринити, один из местных фермеров, говорил, что, если встать в кукурузном поле и прислушаться, можно услышать, как растут початки, треща и устремляясь к небу. Может, и с пшеницей так же? Или я в этом поле не одна? «Нет, – строго сказала я себе. – Прекрати выдумывать глупости и зажги Наших Дев».

Я продолжала идти, отчетливо слыша шелест где-то слева. Звук двигался одновременно со мной, ускорившись, когда я перешла на бег, и замедлив, когда я остановилась. Стебли росли слишком густо, и свет фонаря не мог проникнуть сквозь их толщу, но мне показалось, что я услышала чье-то тихое дыхание, будто совсем неподалеку кто-то пытался отдышаться. Или это просто ветер? Пшеница может свести человека с ума.

Приближаясь к краю поля, я уже видела высокие силуэты сосен, грозные, как крепость. Они закрывали собой небо и свет звезд. Стоило мне вырваться из плена колосьев, и тут же раздался звон Колокольчиков. Несколько стеблей зацепились за мои юбки, словно желая удержать меня. Первая Дева стояла прямо передо мной. Двенадцать футов в высоту и десять в ширину, она возвышалась над полями, раскинув руки, будто приветствуя заблудших путников. Если папа и Сэм все еще бродят где-то здесь, они непременно ее увидят.

Земля вокруг Наших Дев была рыхлой и обожженной прошлыми кострами. Конструкция состояла из валежника,

связанного старой веревкой. Основание набивали бревнами, обломками старой мебели, которую было уже не починить, сверху все прикрывал слой мелких веточек и сухих листьев. Костер пах дегтем и маслом – особой смесью, которую изобрели и усовершенствовали Латетоны.

Я поставила фонарь на почерневшую землю и вытащила щепку из «юбки» Девы. Она быстро занялась, и я бросила ее в основание костра, осторожно раздувая искры. Огонь попал на деготь, полыхнул и охватил всю конструкцию, вновь наполняя мир светом.

Я постояла минуту-другую, пока не убедилась, что костер как следует разгорелся, и повернулась к следующей Деве. Они были разбросаны вдоль границы города на расстоянии примерно полумили друг от друга. Ночь будет долгой. Я надеялась, что другие жители города увидят, что на востоке зажгли Наших Дев, и побегут зажигать костры на западе.

Добравшись до второй конструкции, я уловила краем глаза какое-то движение. Из пшеницы вышла девушка, раздвигая колосья, словно воды Красного моря. Она была слишком далеко и шла без фонаря, так что узнать ее было сложно, но ее бледно-голубое платье мерцало в свете восходящей луны.

Мой взгляд скользнул к ферме Дэнфортов, расположенной всего в миле отсюда. Дом возвышался на крутом холме, и внутри, кажется, горели свечи. Ребекка. Я подняла руку в приветственном жесте, но не поняла, заметила она меня или нет. Ребекка подошла к ближайшей Деве – через одну от ме-

ня – и, помедлив, опустилась на колени. Через несколько секунд сверкнула искра, и костер вспыхнул. Ребекка обошла его с дальней стороны и скрылась из виду.

Я повернулась к своей Деве и достала растопку. Пока я возилась с костром, вдоль границы города начали вспыхивать остальные, и я зашептала молитву, благодаря Господа за расторопность соседей. Вокруг вспыхивали все новые и новые Девы, и долину залил яркий золотистый свет. Я представила, как волки, бегущие по лесу, вдруг останавливаются, напуганные такой необычной картиной, и сворачивают обратно в темноту, подальше от папы и Сэма.

Я уже направилась к следующему костру, как вдруг мое внимание привлек звон, раздавшийся в соснах. Там, в тени, что-то зацепилось за Колокольчики. Что-то большое. Я подняла фонарь, щурясь от яркого света. На опушку, спотыкаясь, вышла одна фигура, а затем вторая. Издалека они выглядели как темные пятна, сливающиеся с черной землей, и в первые секунды я не могла понять, люди это или волки.

– Эллери, – раздался знакомый голос, – это ты?

– Папа! – закричала я и бегом бросилась к ним навстречу.

Они с Сэмюэлем стояли рядом, поддерживая друг друга. На лодыжке у Сэма была наспех сделанная шина, и, хотя она была туго примотана обрывками рубашки, нога сильно воспалилась и опухла. От обоих резко пахло кровью, застарелым потом и – сильнее всего – страхом. Я никогда не видела отца таким. Он словно похудел на десяток фунтов за одну

ночь. Лицо осунулось, а в глазах застыло испуганное и потрясенное выражение.

– Все хорошо. Вы дома. Вы в безопасности, – приговаривала я, обнимая его и стараясь сдержать гримасу отвращения, когда почувствовала, как ко мне липнет холодная, мокрая грязь, пропитавшая его рубашку. Придется извести целый кусок мыла, чтобы отстирать их одежду.

Я заглянула за папино плечо, надеясь увидеть тех, кто ушел с обозом, но из сосен больше никто не вышел.

– А как же... Вы нашли?... – Я умолкла, не зная, как задать вопрос, ответ на который и так ясен.

– Не... Не сейчас, Эллери.

От его хриплого голоса у меня внутри все похолодело. Отец, наверное, весь день и всю ночь звал пропавших людей. Он даже дышал хрипло. Сэмюэль застонал. Его глаза остекленели, в них словно погас свет. Он смотрел прямо перед собой, ничего не понимая и, кажется, даже не сознавая, где находится.

– Пойдемте-ка скорее домой. Мы с мамой весь день пекли хлеб, и еще есть жаркое. Я подогрею воду для ванны, вам ничего не придется делать. А потом...

– Сэмюэль! Сэм!

Через поле к нам бежала Ребекка Дэнфорт. Волосы развевались у нее за спиной. Судя по голосу, она была на грани истерики.

– Ты ранен! – воскликнула она, наклонившись к его ло-

дыжке. – Что случилось? Мы так волновались. Мы...

– Надо довести их до дома, – перебила ее я. – Поможешь?

– Конечно, конечно. – Она подставила Сэму плечо, прижавшись к его боку, и вместе они побрели к дому.

Я обхватила папу за пояс и сделала шаг вперед.

– Погоди, Эллери, – пробормотал он. – Дай им побыть наедине. Думаю, Сэму это пойдет на пользу.

Мы остановились, глядя им вслед. Поначалу Ребекка буквально тащила его на себе, но, когда они вошли в пшеницу, Сэм как будто пришел в себя, и его рука начала ласково гладить ее по спине. Я застыла, присматриваясь к его пальцам. Они резко выделялись на фоне цветочного узора на ее платье. Темного цветочного узора. Я озадаченно оглянулась на цепочку горящих Дев, но незнакомка в светлом платье уже исчезла.

Мне приснилась лесная поляна, окутанная тенью. Повсюду были глаза. Светящиеся серебристые глаза. Я проснулась и заворочалась, пытаюсь выпутаться из одеяла. Простыня обвилась вокруг моей ноги.

– Перестань, Эллери, – пробормотала Мерри сквозь сон и сдернула с меня одеяло.

Холод помог привести мысли в порядок. Я села на кровати, раздосадованная и несчастная. Мы легли спать глубоко за полночь, и, судя по серому небу, до рассвета оставался еще час.

Слух о папином возвращении быстро разнесся по Эмити-Фолз, и трое Старейшин поспешили явиться в наш дом, чтобы накинуться на него с вопросами. Нашел ли он сына Эймоса? Видел ли доказательства нападения? Что на самом деле скрывается там, в лесу?

Папа мягко остановил их и сообщил, что обнаружил следы костра, обрывки палаток и, наконец, чуть поодаль – останки людей. Смуглое лицо Эймоса посерело. Он назначил городское собрание на завтрашнее утро, и Старейшины ушли, нахмурившись и встревоженно перешептываясь.

Я скатилась к кровати и на цыпочках подошла к окну, стараясь не наступать на скрипучие половицы в середине чердака. Комната была небольшой, а мои сестры и брат спали

крайне чутко. Сейди сжалась в комочек по другую сторону от Мерри и тихо сопела. Кровать Сэмюэля стояла в темном углу, как можно дальше от нас, девочек. Несколько лет назад ее отгородили старой простыней, поскольку наши тела, когда-то вместе лежавшие в утробе, теперь зажили своей жизнью. Клетчатая простыня создавала для нас подобие личного пространства, но мы все равно прекрасно слышали, как он мечется в постели, ворочается и бормочет во сне.

Я выглянула из маленького окошка со стеклами-ромбиками и окинула взглядом притихшие поля. Наши Девы успели превратиться в кучи тлеющих углей. После восхода солнца нужно будет все убрать. Потребуется отряд добровольцев, который пройдет по опушке леса и соберет валежник, чтобы Эдмунд Латетон смог соорудить новых Дев. Но найдутся ли храбрецы, готовые предложить свою помощь после того, как папа выступит на собрании?

Папа с мамой до утра просидели за разговорами. Я слышала, как они тихо перешептывались внизу, но не могла разобрать слов. Пожалуй, это встревожило меня больше всего. Папа всегда ложился рано, просыпался до восхода и принимался за работу. Я понятия не имела, как маме удастся растолкать его сегодня утром.

Сэмюэль за шторкой кашлянул и перевернулся на другой бок. Мой взгляд упал на ферму Дэнфортов. Их поле граничило с нашим огородом, и меня всегда забавляло, что Сайрус даже кукурузу сеял перпендикулярно папиным грядкам с

помидорами и свеклой. Дом Дэнфортов был темным и неподвижным, а окна смотрели на меня пустым безжизненным взглядом. Это напоминало выражение лица Сэмюэля, когда он только вышел из сосен. Я отвела взгляд.

Мне не давали покоя мысли о платье Ребекки. Некто в светлом платье зажег Деву, в этом я не сомневалась. Но кто же это мог быть? Ребекка не успела бы сбегать домой и переодеться, да и зачем бы ей это делать, а других женщин поблизости не было. Мать Ребекки умерла, рожая ее младшего брата, Марка, а земли Дэнфортов, снабжавших продуктами большую часть города, были обширными. Их ближайшие соседи жили в нескольких милях отсюда.

– Эллери, это ты? – прошептал Сэмюэль.

Я налила в чашку воды из графина, стоявшего на комод, и нырнула за занавеску. Сэм сидел на кровати, пытаясь поправить подушку, подложенную под его распухшую ногу.

– Давай помогу, – предложила я, протянула ему чашку и взбила помятую подушку.

Из-под одеяла выпала на пол потрепанная книга.

– «Герои греческих мифов», – прочитала я и приткнула томик ему под бок. – В последний раз я видела эту книгу еще в школе. Помнишь, как мы зачитывали ее до дыр?

– Это Сейди принесла... Я решил позаимствовать ее на время.

Он выпил воду одним длинным глотком и поманил меня к себе. Колени хрустнули, когда я опустилась на пол рядом

с кроватью, и я вдруг почувствовала себя намного старше своих восемнадцати лет. Я была благодарна, когда Сэмюэль протянул мне одно из своих одеял, чтобы защитить от утренней прохлады.

– Как ты себя чувствуешь?

Он нахмурил густые брови, блестящие золотом даже во мраке чердака, и поморщился, опускаясь на кровать.

– Нога болит, врать не стану. Но ничего, пройдет. Кажется, перелома нет.

Вчера после ужина мама с трудом заставила Сэмюэля отцепиться от Ребекки и помогла ему подняться наверх. Она дала ему немного папиного виски, чтобы крепче спалось, и он провалился в сон еще до того, как явились Старейшины. Ребекка долго стояла, закусив щеку и осматривая лестницу на чердак, пока папа не напомнил ей, что пора домой. Она встретила со мной взглядом. Ее глаза были мокрыми от слез и печальными, и я слабо улыбнулась ей. Ребекка ответила мне такой же нерешительной улыбкой, и на мгновение мне показалось, что между нами все попрежнему.

– Что произошло? – спросила я, выбросив из головы мысли о встревоженной подруге.

– Мы довольно быстро нашли следы Самсона. Там было столько крови. На кустах, на стволах деревьев... И довольно высоко. – Брат принялся помогать себе жестами. – Она капала с хвои... Как она туда попала? А потом мы... Мы потеряли друг друга. Ты знаешь, как быстро темнеет в лесу? –

продолжил Сэмюэль. — Только что папа был у меня за спиной, пытался обломать эти... ветки, чтобы сжечь... А в следующую секунду я его уже не увидел. Остался только я, костры и вся эта кровь. Я звал его, но ответа не услышал. Я попытался... попытался пойти вслед за пламенем — костры ведь должны были привести меня к нему, верно? Но его не было. Были только... эти твари.

— Волки? — Мне вспомнился мой кошмар.

Он медленно покачал головой:

— Таких волков я никогда в жизни не видел. Они были большие, Эллери, такие большие. Больше медведя, больше ульев, такие большие, что могли бы проглотить весь мир целиком.

По шее у меня пробежал тревожный холодок, стекая вдоль позвоночника, как дождевые капли по стеклу. Повзрослев, я решила, что легенды о чудовищах в лесу были просто мудреными сказками, выдуманными для того, чтобы глупые детишки не заблудились в соснах. Неужели легенды правдивы? Неужели чудовища существуют?

— Кто бы это ни был, они вышли на охоту за мной, но это была не погоня. Они слишком быстро двигались. Я бы ни за что не смог от них скрыться. Я подвернул ногу, когда попытался убежать. Но... Для них все это было как игра. Они играли со мной, смеялись над моим страхом.

— Ты слышал их смех? — Слова сорвались с моих губ, невесомые, как осенние листья на порывистом ветру.

Сэмюэль зажмурился:

– Я и сейчас его слышу.

Капли пота выступили у него на лбу, и я промокнула их уголком одеяла. Его кожа горела. Обычная лихорадка – ничего более.

– Не думай сейчас об этом, Сэм. Ты дома, в безопасности, и никакие твари тебя здесь не достанут.

Я бросила взгляд на окно, радуясь мягкому серому свету, который начал проникать внутрь. Скоро встанет мама. Она-то сразу поймет, что делать, какие лекарства дать Сэмюэлю. Лекарства...

Джеб и его спутники отправились за перевал, чтобы добыть необходимые припасы для Эмити-Фолз. Обычно они ездили за продовольствием два раза в год – как только таял лед, расчищая путь из Длани Господней, и в конце лета, до того, как ляжет снег, после чего путешествовать было уже невозможно. Последняя такая поездка состоялась в апреле. Сколько еще запасов осталось у доктора Эмброуза?

Придется выслать новый отряд, и очень скоро. Иного выхода просто не было. Обоз доставлял не только лекарства, но и другие продукты, которые не было возможности произвести в городе. Оружие и патроны. Ткань и нитки. Книги. Сахар. Чай. Кофе. В таком маленьком городке им больше неоткуда было взяться.

Я эгоистично надеялась на ткань для нового платья. С весны я выросла на два дюйма. Мама полагала, что больше я

расти не буду, и я очень надеялась, что она не ошибается. Вся одежда теперь сидела на мне кое-как. Корсажи стали тесными и мешали работать, шерстяные чулки, торчащие из черных башмаков, выглядывали из-под подола. Я уже была выше мамы, а в магазине Макклири не осталось ничего, кроме двух рулонов батиста в цветочек. Ткань, конечно, была красивой, но осенью она меня не согрела бы.

– Эллери, – прошептал Сэм.

Губы у него обветрели, и я достала из ветхой прикроватной тумбочки мазь. Мама делала бальзамы и кремы из воска, который оставался после сбора урожая.

– Ты же веришь, что я говорю правду про чудовищ, да? – Его серые глаза заблестели, но я не знала отчего: то ли дело было в лихорадке, то ли он готов был расплакаться.

– Было, наверное, очень страшно, – осторожно ответила я.

Сэм схватил меня за руку:

– Я думал, что больше никогда тебя не увижу.

Я сжала его пальцы. Это был всего лишь плод лихорадочного бреда, но сердце дрогнуло, стоило представить мир, в котором нет моего брата.

– Ты ведь не дашь меня в обиду, правда? Ты всегда меня защищала. С самого детства.

Он вдруг показался мне совсем мальчишкой, даже младше Сейди. Грустный, маленький, потерянный мальчик, который отчаянно нуждается в защите.

– Конечно.

– Мне... мне было невыносимо думать о том, что я останусь без тебя. Мы всегда были вместе. Просто... – Он всхлипнул, не договорив.

– Не думай об этом, Сэм. Мы же команда, правда? Ты и я. Ты же знаешь, я не допущу, чтобы с тобой что-то случилось.

Его веки дрогнули и закрылись. Он снова провалился в беспокойный, усталый сон. Я могла на пальцах одной руки пересчитать случаи, когда видела, как Сэмюэль плачет. И хотя мне было жаль, что он страдал и натерпелся страха в лесу, я невольно задумалась, не станет ли этот момент для нас поворотным. Все лето мы отдалялись друг от друга: я сидела дома, а он сбегал навстречу неведомым приключениям. Но теперь... Возможно, все снова будет как раньше.

Я посидела немного, наблюдая за тем, как поднимается и опускается его грудь, и чувствуя, как меня окутывает умиротворение. Я досчитала до ста и решила, что уже можно разбудить маму. Но когда я попыталась убрать руку, Сэмюэль только сильнее сжал ее.

Я пошевелила пальцами, но не смогла высвободиться. Его лицо было расслабленным, но хватка оставалась крепкой, точно медвежий капкан. Я попробовала разогнуть его пальцы – ничего не вышло. Губы у Сэмюэля едва заметно шевелились. Я наклонилась поближе, прислушиваясь к словам, которые он повторял шепотом, словно молитву:

– Они придут за тобой. *Она* придет за тобой.

У меня перехватило дыхание, воздух застрял где-то в гор-

ле.

– Сэм, что ты такое говоришь? Кто придет? Какая такая «она»?

Я посмотрела в окно, почти ожидая увидеть фигуру по ту сторону стекла, сидящую на подоконнике и с усмешкой глядящую на меня. Длинную, тонкую. В светлом платье. Но нет, за окном было лишь прохладное небо цвета лаванды. Сэм тихо всхлипнул, снова погрузившись в сон. Я готова была разбудить его, потребовать объяснений, как вдруг услышала шорох за спиной.

– Эллери, ты что не спишь в такую рань?

Мама, шурясь, заглянула за занавеску. Длинные волосы, заплетенные на ночь в косу, лежали у нее на плече.

– Мне не спалось. Все время снились кошмары.

– Неудивительно – после вчерашнего-то. Ты Сэма не разбудила?

Я покачала головой:

– Он просыпался ненадолго, но потом... – Я кивком указала на него.

Сэм спал, приоткрыв рот. В уголках губ блестела слюна. Его рука выскользнула из моей, как будто он и не сжимал ее всего несколько секунд назад.

– Тогда, может, пойдешь со мной вниз и поможешь с завтраком? – спросила мама, помогая мне подняться. – Заварим кофе на двоих. Нас всех ждет долгий день, так что нужно будет хорошенько подкрепиться.

– Просто пальчики оближешь, – сказал папа, с довольным вздохом отодвигая тарелку. – Спасибо, Сара. И Эллери.

Мы с мамой устроили настоящий пир: яичница, желтая, как солнце, посыпанная молотым черным перцем; толстые куски ветчины; томаты прямиком с огорода, идеально поджаренные, – их сочные сердцевины так и лопались во рту; и еще целые стопки блинчиков, политых остатками кленового сиропа, купленного у Виссеров прошлой зимой. Сейди вытерла свою тарелку блинчиком, собирая последние сладкие липкие капли, и причмокнула, явно мечтая выпросить еще. Мама подставила папе щеку для поцелуя и потянулась за его тарелкой и столовыми приборами.

– Пусть девочки уберут со стола, – сказал он, усаживая ее к себе на колени.

Мы с сестрами переглянулись, стараясь сдержать смех. Мама ущипнула его за нос и встала.

– Я помою посуду, пока вы будете в городе.

– А ты с нами не пойдешь? – удивился отец.

– Должен же кто-нибудь остаться дома с Сэмюэлем и Сейди. – Мама забрала тарелку, на которой остался жир от ветчины.

– Что? Это нечестно! Я тоже хочу пойти! – Вилка с грохотом выпала из руки Сейди.

– Ты побудешь со мной и поможешь ухаживать за Сэмом. Может, мы с тобой даже испечем имбирное печенье, – пообещала мама, направляясь в кухню. – К тому же ты еще маленькая.

– Тогда пусть Мерри тоже остается!

– Мне уже шестнадцать, – напомнила ей Мерри, собирая оставшиеся на столе ножи и вилки.

– Только-только исполнилось, – возразила Сейди. – Пожалуйста, папа, возьми меня с собой. Я хочу послушать, что ты будешь говорить.

Он встал и взъерошил ей волосы, превратив их в золотой нимб, как у святых, нарисованных в книгах пастора.

– Ты же знаешь, что тебя не пустят, милая.

Основатели составили список из семи правил, благодаря которым Эмити-Фолз из лагеря в глуши превратился в оживленный городок. Поселившись вдали от цивилизации, нам оставалось лишь полагаться на соседей и надеяться, что их намерения добры, а сердца чисты. В каждом доме у двери висел список Правил, аккуратно отпечатанный с гравировальной доски старой вдовы Маллинз, чтобы мы, выходя на улицу, помнили о своих обязанностях.

По правде говоря, я их давно не замечала. Они были такими же привычными, как мамины любимые, но выцветшие обои или вышитые крестиком подушки, разбросанные на потертом диванчике.

Список включал самые разные правила: от довольно про-

заичных (детей до шестнадцати лет не допускали в Дом Собрания) до настолько примитивных, что было непонятно, для чего их вообще внесли в свод (нельзя в одиночку забредать в сосны). Были в списке и прямые предупреждения: тот, кто причинит вред соседу, его родне, имуществу или источнику заработка, будет наказан без промедления. Такой маленький городок, как наш, не нуждался в отдельном судье, а люди, привыкшие к жизни в глуши, не желали доверять свои судьбы чужакам из больших городов. Когда в Эмити-Фолз все же случались преступления – пусть и крайне редко, – городок сам вершил правосудие.

Я проводила взглядом папу, который пошел за мамой на кухню. Что он расскажет Собранию? Потом объявят голосование, это очевидно, но по какому вопросу мы будем голосовать?

Папа поцеловал маму в лоб, достал из-под старого металлического корыта два ведра и пошел с ними к насосу. Вчера вечером отец был таким испуганным и усталым, что я не знала, удастся ли ему оправиться от потрясения. Сегодня же он казался почти счастливым. Даже сейчас со двора доносился его свист.

– Папа, похоже, в прекрасном настроении, – заметила я, возвращая горшочек с маслом в ледник.

Мама посмотрела в окно с мягкой улыбкой. Папа возился с насосом, качая воду из колодца с помощью длинной железной ручки. Он трудился легко и проворно. Мускулы у него

на спине и на руках плавно перекатывались, готовые выполнить любую работу.

– Он рад, что вернулся домой. Они так долго бродили в соснах. Если бы ты вовремя не зажгла Наших Дев, Элери... – Мама умолкла, не желая заканчивать страшную мысль. Она протянула руку и сжала мои пальцы в своих. – Мы все очень рады, что ты справилась.

– Если хочешь сходить на Собрание, я могу остаться с Сэмом и Сейди, – предложила я и тут же понадеялась, что она откажется. Мне не хотелось пропускать то, что там скажут.

Мама покачала головой:

– Сэму нужно будет перевязать ногу. К тому же, признаюсь тебе по секрету, мне не помешает хоть одно утро провести в тишине.

Я с интересом посмотрела на нее. Раньше я этого не замечала, но она и впрямь выглядела устало. Ее глаза блестели, но вокруг образовались темные круги. В последний раз я видела такое, когда...

– Ты беременна, – тихонько ахнула я. Когда родилась Мерри, я была еще слишком маленькой, но когда она вынашивала Сейди, нам часто приходилось помогать ей по дому больше обычного и как можно меньше шуметь. Мама всегда говорила, что первые три месяца особенно утомительны. – Вот почему папа такой довольный. Ты, наверное, ему уже сказала!

Ее улыбка сделалась шире.

– Ничего-то от тебя не скроешь, мой остроглазый орленок.

Я накинулась на нее с объятиями.

– Как здорово, мама! И давно уже?

– Срок еще маленький. Я сама поняла всего несколько дней назад. Сестрам пока не говори. И Сэму. Мы хотим немного подождать.

Я кивнула с серьезным видом, пообещав хранить все в тайне. У мамы уже дважды случались выкидыши, ставшие большим ударом для всей семьи.

Я посчитала месяцы.

– Значит, в апреле? Или, может, в мае?

– Может, и в мае, – согласилась мама и поднесла палец к губам, когда в кухню вошла Сейди с пустым кувшином из-под молока.

Правило третье:

*Пятнадцать весен дети подождут, а после на
Собрание придут.*

Когда мы с папой и Мерри пришли в город, зал был забит почти до отказа. Маттиас Додсон и Леланд Шефер сразу же отвели папу в сторонку, и нам с Мерри пришлось самим искать себе места.

Дом Собрания представлял собой длинное здание на северной окраине города. Окна, расположенные на трех стенах, обычно закрывали ставнями для защиты от холода, но сегодня они были распахнуты, позволяя как следует рассмотреть возвышающиеся вокруг сосны.

В передней части зала стояло Древо Основателей. Когда-то это был невероятно огромный грецкий орех, сросшийся из трех стволов. По легенде, именно из-за этого дерева караван свернул с пути и встал лагерем в Длани Господней.

Много десятилетий назад по горам пронеслась внезапная буря. Сквозь ливень и вихрь поселенцы видели, как в исполинское дерево одна за другой били молнии, но, казалось, не причиняли ему вреда. Темные создания, нападавшие на путешественников в дороге, в страхе разбежались от белых

вспышек. Предводитель каравана решил, что дерево им покровительствует, и решил разбить здесь лагерь после окончания бури.

Большую часть дымящихся веток обрубили, оставив толстый ствол, вокруг которого позднее соорудили Дом Собрания Эмити-Фолз. Но изображение дерева в его первозданной красоте – пышная крона, могучие ветвистые корни, напоминающие об узах между всеми нами, – было повсюду: вырезанное на пуговицах плащей Старейшин, над дверьми, на трости, с которой Эймос каждый день выходил на улицы города.

Все остальное пространство в зале занимали ряды деревянных скамеек, разделенные проходом. Заметив свободный край скамьи, я скользнула туда и потянула Мерри за собой, пока места не занял кто-нибудь другой. Я так обрадовалась своей удаче – нам не придется стоять! – что даже не посмотрела, рядом с кем сажусь.

– Ой, Ребекка.

Ее лицо, обычно нежно-персикового цвета, при виде меня заалело.

– Доброе утро, Эллери, Мерри.

Ее тут же выдал взгляд, метнувшийся к двери, чтобы посмотреть, кто еще пришел с нами.

– Сэм дома. – Эти слова вырвались у меня сами собой, неуклюжие, отрывистые и невыразительные. – Растяжение слишком сильное, он бы сюда просто не дошел.

– Ему очень больно?

Я помедлила, не зная, как будет правильное ответить. Ребекка сжала мое колено, встревоженно нахмутив брови.

– Я... я хотела рассказать тебе, Эллери, честное слово. Мне казалось, что это неправильно – скрывать от тебя такие важные новости. Ты моя лучшая подруга... Мы всегда все друг другу рассказывали. Всем делились.

Мерри, сидевшая по другую руку от меня, шмыгнула носом:

– Я тоже так думала.

Ребекка то ли вздохнула, то ли всхлипнула.

– Сэм говорил, что мы обязательно все расскажем. Когда придет время. Он просто хотел подождать.

– Подождать? Чего тут ждать?

Она покачала головой:

– Не знаю. Он просто все время говорил, что лучше сделать это позже. Поначалу... поначалу я даже волновалась, что он не всерьез за мной ухаживает. Иначе зачем все скрывать? Я думала, может, он решил надо мной подшутить...

– Сэм никогда бы так не поступил. – Я произнесла это резким тоном, словно желая рассечь ее слова надвое. Пусть у Сэма и были от меня секреты, я чувствовала, что должна вступить за своего близнеца.

Ребекка заправила за ухо рыжую прядку и кивнула, соглашаясь со мной. Она по-прежнему ходила с длинными распущенными волосами, как маленькая девочка. Идеальные ло-

коны красиво покачивались на фоне ткани в черный цветок, из которой было сшито ее платье.

– Теперь я это знаю. Но тогда все это просто...

– Ты ведь вчера вечером была в этом же платье? – перебила я.

Она озадаченно нахмурилась.

– Я... да.

– А гостей у вас не было?

– Что? Когда? – Похоже, я совсем сбила ее с толку.

– Вчера вечером. Перед тем как зажглись Наши Девы. У вас в доме был кто-нибудь еще?

– Папа и Марк, разумеется. Кто еще мог у нас быть?

– Это я и пытаюсь выяснить. Ты уверена, что...

Я умолкла, увидев, что трое Старейшин вышли вперед. Они устроились в креслах с кожаной обивкой лицом к нам. Папа последовал за ними и занял место между Старейшинами и залом. Радость, которую он разделял с мамой, бесследно исчезла с его лица, сменившись серьезностью и ответственностью.

Он погладил бороду, собираясь с мыслями, прежде чем начать. В городе папу уважали, многие даже восхищались им. Мне было грустно смотреть, как он стоит там один, готовясь рассказать страшные вести. Но не похоже было, что папа боится или сомневается. Он точно знал, что нужно сделать. Так было всегда.

– Благослови вас Господь, – начал отец. Его голос без тру-

да разносился по всему залу. – Как большинство из вас знает, на этой неделе Джеб Макклири и его пять спутников отправились с летним обозом за продовольствием. А спустя всего день его конь вернулся смертельно раненный и без всадника.

Я окинула взглядом зал, высматривая Молли с детьми. Их не было. Я испытала прилив благодарности к тому, кто уговаривал их не приходить. Если папин рассказ будет похож на то, что поведал мне Сэм, семье Джебедаи лучше этого не слышать.

– Мы с сыном отправились в лес по следам Джеба со спутниками и, судя по всему, обнаружили их последнюю стоянку всего в нескольких милях от Эмити-Фолз. Они не успели далеко уйти, прежде чем... все случилось.

– «Все» – это что? – раздался вопрос с задних рядов. Я не смогла понять по голосу, кто его задал.

Папа сжал губы.

– Трудно было разобрать, что именно произошло... Похоже, на них напали во сне. Палатки были изорваны в клочья, а люди исчезли.

– Это мог быть бандитский налет?

Папа покачал головой:

– Думаю, это были какие-то животные.

– Тот медведь, – заявил Сайрус Дэнфорт, поднимаясь на ноги.

– Никакой медведь не смог бы сотворить то, что мы видели. И... кто бы это ни был... Их явно много. Может, целая

стая.

– Волки, – подал голос Эдмунд Латетон.

– Это больше похоже на правду. Покинув лагерь, мы нашли... разбросанные части человеческих тел. Похоже, никому не удалось убежать далеко. Должно быть, животные двигались очень быстро.

– Ладно, волки, – согласился Сайрус. – Но к чему устраивать драму? Соберите отряд охотников и отправьте в лес выкурить эту стаю.

– Нет, погодите, – возразил Грэн Фаулер, тоже поднимаюсь. – Мы все видели жеребца. Рана у него на боку была огромная. – Он расставил пальцы как можно шире. – Точно больше моей руки.

– Отличные новости, друзья! Фаулер не убивал жеребца, – хохотнул Сайрус.

Птичник прищурился:

– Я просто хочу у вас спросить, что это за волк такой, что у него лапы больше человеческой руки?

Папа кивнул:

– Я таких не видел. И еще... – Он провел подушечками больших пальцев по ногтям. – Мы с Сэмом начали жечь кусты вокруг лагеря. Не хотели, чтобы запах крови привлек кого-нибудь еще, тем более так близко к городу. Как только мы принялись разводить огонь, то увидели неподалеку этих существ. В отсветах костров их глаза светились ярким серебристым светом. Они все это время оставались поблизости.

Наблюдали за нами. – Он почесал затылок и как будто за-
нервничал – впервые с начала Собрания. – Я не мог разо-
браться их очертаний, они сливались с тенями, но, кто бы это
ни был, они чудовищно огромны. Намного выше меня.

Я прикусила кончик языка. Папа был одним из самых вы-
соких мужчин в Эмити-Фолз. Я попыталась представить вол-
ка выше ростом, чем он. Я живо вообразила шерсть, встав-
шую на загривке, жуткое рычание, огромные лапы и когти,
блестевшие в свете луны, но все это не складывалось в цело-
го зверя. Мой разум отказывался создавать такое чудовище.

– Это невозможно, – фыркнул Сайрус.

Грэн смущенно посмотрел на папу:

– Это и впрямь звучит довольно невероятно, Гидеон. У
тебя есть доказательства?

Глаза у папы возмущенно сверкнули.

– Доказательства? Какие еще доказательства вам нужны,
кроме моего слова? Всем известно, что я человек порядоч-
ный и честный. Я не склонен давать волю воображению и
приукрашивать. Если я говорю, что видел это, можете не со-
мневаться: так и есть.

Я окинула взглядом зал и заметила, как многие виновато
переглянулись. Папина речь их не убедила. Отец, очевидно,
тоже это заметил и вздохнул.

– Сэмюэль тоже их видел. Он подтвердит.

Мне вспомнился утренний рассказ Сэма. Он действительно
говорил, что видел в лесу огромных существ. И еще – что

они над ним смеялись.

– Латетон, – обратился папа к плотнику, сидевшему в середине зала. – Ты говорил, что тоже их видел. Какого они роста, по-твоему?

По настоянию жены Эдмунд нерешительно поднялся на ноги.

– Я... Точно не скажу... Но они намного больше обычных волков. И быстрее. Тот, которого мы видели... – Он покоился на жену, и та сжала его руку. – Тот, которого мы видели, стоял возле дровяного сарая на краю нашего участка. Знаете это место, где речка делает изгиб?

Некоторые в зале кивнули, увлеченные его рассказом. Латетон втянул воздух ртом, и я заметила, что у него немного дрожат руки.

– Мы видели глаза – как и сказал Гидеон, – светящиеся серебряным светом. Что-то его спугнуло. Зверь промчался по полю и спрятался за сараем. Бежать ему было футов пятьсот, но он преодолел их за считанные секунды. Я... я никогда не видел, чтобы кто-то так быстро бегал.

Пруденс тоже встала.

– Он говорит правду. Они оба, – добавила она и перевела взгляд на папу.

– И что ты предлагаешь делать с этими чудовищными волками, Гидеон? – спросил Сайрус, выходя вперед. Его живот, точно нос корабля, выпирал над поясом штанов в тонкую полосу. – Послушать тебя, так нужно собрать полгорода, что-

бы завалить одного такого.

Эдмунд побледнел:

– Боюсь, даже этого будет мало.

Папа пробормотал что-то, соглашаясь с ним и окидывая зал настороженным взглядом.

– Я... я думаю, что вернулись чудовища, о которых рассказывали наши праотцы.

По толпе пронесся недоверчивый ропот.

– Это невозможно, – объявил пастор Брайард, вскочив на ноги и наморщив лоб. – Хотя моей семьи здесь и не было, когда город только зарождался, эти истории мне всегда не нравились. Станные сказки, выдуманные для того, чтобы пугать детей перед сном. Господь не допустил бы, чтобы на свет появились такие создания.

– Сядь, Клеменси, – нахмурился Маттиас. – Не позорься. Есть множество записей. Все это было на самом деле. Но, Гидеон... Тебе, как и мне, известно, что в последний раз их видели...

– Вчера, – печально закончил за него папа.

– Тогда этих дьяволов нужно уничтожить, – гневно обронил Старейшина.

Папа покачал головой:

– Я не предлагаю на них охотиться. Их слишком много, а у нас совсем мало патронов... И это наводит меня на мысль о нашей главной проблеме на сегодня. Нужно выслать новый отряд за припасами.

В конце зала кто-то презрительно фыркнул:

– Это шутка, что ли? Если ты утверждаешь, что эти твари существуют, что они вернулись, никто не вызовется отправиться за припасами. Это же чистой воды самоубийство.

– Как и пытаться пережить зиму без припасов, – мрачно ответил папа. – Доктор Эмброуз говорит, у него почти не осталось лекарств. Во время майской вспышки крупя дети глотали ипекакуану бутылками. Вы все уверены, что вам хватит вяленого мяса до весны? Нам нужно больше патронов. И всего остального. – Его лицо смягчилось. – Мы примем меры предосторожности. Вышлем больше людей.

– Чтобы умерло побольше? – возразил несогласный.

Я обернулась и увидела Кельвина Бермана. Темные глаза хозяина таверны сверкали. Джебедайя Макклири приходился ему свояком. Я немного удивилась, что Кельвин не остался дома с убитой горем сестрой.

– Детей я здесь не вижу, – заметил Сайрус, окидывая взглядом толпу. – Стало быть, планируется голосование по поводу этой сумасбродной идеи?

Папа повернулся к Старейшинам:

– Разве нам нужно голосование, чтобы отправить обоз? Я попросил позвать взрослых, потому что нужно собрать добровольцев. – Он оглянулся через плечо и едва заметно улыбнулся нам. – Я вызовусь первым.

– Папа, нет! – воскликнула я, вскочив на ноги. – А как же мама?

– Его собственная дочь считает, что это плохая идея, – взвился Кельвин. – Я голосую против. Уж одну-то зиму мы переживем. Наши праотцы делали так много раз. Пускай чудовища голодают. К весне они уйдут искать охотничьи угодья получше, тогда и вышлем обоз. Черт возьми, да я сам его возглавлю!

Зал погрузился в хаос. Все вокруг принялись спорить, кричать что-то через проход. Некоторые супруги переговаривались вполголоса. Мерри начала спрашивать, почему я упомянула маму. Я отмахнулась, понимая, что мама расстроится, если я выдам ее тайну.

Над кружком Старейшин поднялась смуглая, дрожащая, покрытая старческими пятнами рука Эймоса Макклири. Он был старше всех в Эмити-Фолз и возглавлял Старейшин. Его глаза, некогда карие, покрывали голубовато-молочные бельма, поэтому по городу он всегда ходил с длинной тростью. На ее набалдашнике была вырезана миниатюрная копия Древа Основателей – такого, каким оно было до удара молнии. Резная крона давно растеряла мелкие детали и блестела, точно озерная гладь.

– Мне кажется, – начал он тонким хриплым голосом, – что следует задать несколько вопросов, прежде чем начнется голосование. – Эймос повернулся к остальным Старейшинам. – Вы согласны?

Те закивали.

– Первый вопрос: верим ли мы, что Гидеон и другие жи-

тели города действительно видели этих... существ? Пусть те, кто верит, поднимут руки.

Мы с Мерри вскинули руки в воздух. То же самое сделали чуть больше половины присутствующих. Ребекка помедлила, теребя прядку волос.

– Сэм тоже их видел, – зашипела я на нее. – Рано или поздно тебе придется выбрать, на чьей ты стороне.

После длинной паузы Ребекка все же подняла руку, смущенно пригнув пальцы и избегая смотреть на отца.

– Подсчитано, – объявил Маттиас, вписывая цифру в учетную книгу.

– Очень хорошо, – сказал Эймос. – А теперь пусть поднимут руки те, кто не верит.

Таких оказалось меньше. Пастор Брайард не просто вскинул руку в воздух, но и встал, чтобы все видели его ответ.

– Значит, решено, – продолжил Эймос. – Мы верим, что эти твари существуют. Теперь еще вопрос... Уверены ли мы, что они стремятся нам навредить? Уверены ли мы, что это они виноваты в смерти Джеба... – Его голос дрогнул и надломился. – В смерти моего сына и его спутников? Те, кто считает, что это так, проголосуйте.

Мы втроем снова подняли руки.

– А кто так не считает?

Никто, кроме Сайруса Дэнфорта и пастора, не пошевелился. Эймос сжал набалдашник трости и поднялся с заметным усилием.

– Очень хорошо. Теперь мы готовы начать голосование. Как вам известно, оно проводится открытым путем, чтобы весь город знал, что думает каждый из нас. Мы единая община, в которой все полагаются на себя и на соседа, поэтому нам не пристало скрывать свое мнение от остальных.

Леланд Шефер встал:

– Итак, перед вами стоит следующий выбор. Мы полагаем, что в лесах вокруг Эмити-Фолз завелась стая крупных и быстрых существ. Мы полагаем, что они смертельно опасны и уже убили нескольких наших сограждан. Мы не пополняли запасы с апреля, а уже скоро выпадет снег. Выслать ли нам новый обоз сейчас или подождать до весны в надежде, что эти твари уйдут в другие места? – Он окинул нас взглядом и продолжал: – Мы готовы проголосовать?

После долгой паузы несколько человек кивнули.

– Тогда прошу всех выйти вперед и подготовиться. Желтый цвет – за то, чтобы отправить обоз сейчас, красный – подождать до весны.

Ряд за рядом жители Эмити-Фолз начали подходить к пенькам, оставшимся от Древа. На двух из них стояли старые медные чаши, а на самом высоком лежала книга. Она была огромная, почти четыре фута в ширину в открытом виде, и в ней оставили свой след все голосования в истории города.

Папа проголосовал первым, опустив ладонь в одну из чаш. Куркума, разведенная водой, окрасила его руку в ярко-желтый цвет. Папа подошел к книге и прижал ладонь к правой

стороне разворота. Затем он отошел в сторону, уступая место другим, поймал мой взгляд и ободряюще улыбнулся.

Мерри, затаив дыхание, наблюдала на происходящим. Это было ее первое голосование. Когда подошла ее очередь, она помедлила в нерешительности, а затем окунула руку в желтую краску. Мерри так волновалась, что отпечаток ее ладони вышел размазанным.

Я вышла вперед вслед за ней и уставилась на две чаши. Я не сомневалась, что папа и Сэм видели неких существ в лесу и что эти существа виноваты в смерти жителей нашего города. Но согласна ли я с тем, что следует отправить новый обоз? Если рассуждать логически, это необходимо. У нас заканчиваются запасы – значит, их нужно пополнить. Но какой ценой?

Кельвин сказал правду: наши праотцы пережили в горах не одну зиму, не имея тех благ, которыми мы располагаем сейчас. В ближайшие несколько месяцев придется туго, но мы выдержим, если будем держаться вместе, делиться с друзьями и соседями и соглашаться на маленькие жертвы ради высшего блага.

С другой стороны, откуда нам знать, что эти существа уйдут к весне? Разве мы можем быть уверены, что они не сунутся в город, когда выпадет снег и дичи станет не хватать? Не можем. Нам нужно больше оружия и патронов. Но если обоз отправится сейчас, то его поведет папа. Что будет, если с ним что-то случится? Мама не оправится от такого удара.

Горе убьет ее малыша, а потом и ее саму.

Две чаши уставились на меня, точно два глаза. Желтая куркума стояла справа, красный раствор, сделанный из свеклы и коры дикой яблони, – слева. Эти краски плохо смывались. Основатели хотели, чтобы все осознавали, как каждое их действие влияет на жизнь всей общины. Какое бы решение я ни приняла, мне придется еще много дней ходить с ним, как с клеймом.

Я бросила взгляд на книгу и без труда нашла отпечатки рук папы и Мерри среди множества отметок с правой стороны. С левой было примерно столько же красных отпечатков, оставленных людьми, которые предпочитали подождать весны в надежде на лучшее. Какой же выбор верный?

Тяжесть предстоящего решения обрушилась на мою грудь, словно камнепад на горном склоне, и я шагнула вперед. Мои пальцы опустились в краску, а затем прижались к странице. Вот и все. Я отошла в сторону, пропуская вперед Ребекку, и вернулась на место, чувствуя, как папин взгляд прожигает мне затылок.

Когда все присутствующие проголосовали, оставив свои отпечатки в огромной книге, Маттиас сосчитал их и шепотом сообщил Эймосу результат.

– Решение принято, – объявил старик, встав перед толпой. По его телу пробежала дрожь, и он покрепче сжал трость. – Я знаю, выбор был непростым, но мы исполним то, что выбрало большинство. Красных отметин на одну больше жел-

тых. Мы останемся в городе и отправим новый обоз весной. Таково решение Эмити-Фолз.

* * *

Домой мы возвращались молча. Папа шел между мной и Мерри, но как будто не с нами. Он все время был на шаг впереди и смотрел себе под ноги, погруженный в собственные мысли. Мерри с любопытством косилась то на меня, то на него, но молчала, потирая желтую ладонь. Я попыталась протянуть руку к папе. От раздраженно отшатнулся, как будто один вид моих пальцев, окрашенных в красный, был ему противен.

Я несколько раз потеряла папину рубашку о стиральную доску и развернула, чтобы посмотреть на результат. Мне удалось смыть с ткани почти всю кровь, но одно упрямое пятнышко никак не сдавалось. Я натерла мылом металлические бороздки доски и продолжила стирку.

После голосования прошло уже три дня, а папа по-прежнему отказывался на меня смотреть. Я попыталась искупить вину, выполняя любую работу по дому, чтобы помочь маме. Вынесла тяжелые плетеные ковры на улицу, развесила по бельевым веревкам и так долго выбивала из них пыль, что под конец плечи тряслись от напряжения. Я взбила матрасы, наполнив их свежей соломой, перьями и даже горсткой сушеной лаванды, чтобы подарить домочадцам приятные сны. Я хотела предложить снова помочь с пчелами, но не осмеливалась.

Сегодня был день стирки. Я взяла два металлических корыта и пошла туда, где через наш участок протекала речка. В старом кострище я развела огонь, и очень скоро у меня было полное корыто горячей мыльной воды. Второе корыто предназначалось для полоскания. Смыв мыло с одежды, я развешивала ее на веревках, растянутых у реки. До обеда оставался еще час, а я уже успела заполнить четыре из шести веревок. Наши одежды развешивались на ветру, напоминая пля-

шущих призраков. У меня болели пальцы, а кожа покраснелась, но даже стирка не помогла смыть проклятый красный след, оставшийся после голосования.

Я задела металлические бороздки костяшками пальцев и отдернула руку, зашипев от боли. Папина рубашка соскользнула в воду и скрылась под слоем пены, а я сжала пальцы другой рукой, разминая затекшие мышцы.

– Все в порядке?

Я вздрогнула. Мне-то казалось, что здесь больше никого нет. Я окинула взглядом ряды рубашек и юбок, ожидая увидеть Сэма на грубых, наскоро сделанных костылях. Но там никого не было.

– Я здесь.

Я резко повернула голову к реке. На противоположном берегу у кромки леса стоял незнакомец. Он был высоким. Очень высоким. Даже отсюда было видно, что, если бы мы встали рядом, моя макушка в лучшем случае оказалась бы вровень с его плечом.

– Не хотел тебя пугать, – продолжал он. – Мне показалось, ты поранилась.

– Ничего страшного. Все в порядке. – В доказательство я подняла руку, хотя костяшки пальцев действительно покраснели и ныли.

– Выглядит неприятно. Я могу тебе чем-нибудь помочь?

Незнакомец вышел из тени сосен и бросил на землю большой заплечный мешок. Тот упал с глухим тяжелым стуком.

Солнце осветило темные волосы незнакомца, поблескивая на выцветших прядях. У него было запоминающееся лицо – длинное, словно высеченное из камня, с гордым лисьим носом, который особенно выделялся. Его явно ломали, может даже не раз. Неровные линии придавали лицу незнакомца пронизательность, которая не сочеталась с его молодостью.

Он сделал шаг вперед, и я вскочила на ноги. В голове раздался тревожный звон. Страх побежал по венам, и я с трудом сдержала желание убежать. Чужаки в Эмити-Фолз не заглядывали почти никогда, и мое воображение невольно принялось рисовать пугающие картины. Я оглянулась на дом, но его заслоняло развешанное белье, а значит, оттуда меня тоже не было видно.

– Ни с места! – крикнула я намного громче, чем нужно было. Я надеялась, что мои слова разнесутся по полю и не потеряются в гудении пчел. Как бы сильно папа на меня ни злился, он прибежит, если узнает, что мне грозит опасность. – Здесь наша земля.

Юноша приподнял бровь и оглянулся на деревья.

– Правда? Не знал, что у леса есть хозяин. – На его загорелом лице мелькнула тень веселья, а уголки губ дернулись, будто он сдерживал улыбку.

– У леса – нет, но от берега реки начинается наша земля, – пояснила я, жалея, что не захватила ружье. В жаркие летние месяцы папа заставлял нас брать с собой оружие всякий раз, когда мы шли стирать к реке. Нагретые солнцем плоские

камни привлекали береговых и гремучих змей. Обычно ружье несла мама, но сегодня, когда я тащила к реке корыта и корзины, она отдыхала, а я совсем забыла про него и вспомнила только теперь. Самой мне никогда не доводилось подстрелить змею, но незнакомец об этом не знал, а мне придавала бы уверенности тяжесть дула в руке.

Юноша опустил взгляд, как будто граница наших владений представляла собой видимую линию, и изобразил, что проверяет положение своих ног.

– Значит... Я все-таки не на вашей земле?

Я сжала зубы.

– Кто ты такой и что здесь делаешь?

Он указал на большой камень, нависающий над водой.

– Позволь уточнить. Вот этот камень лежит на стороне леса. Если я на него сяду, я ведь не перейду границу?

Тон юноши был легким, с нотками веселья. Я не могла понять, то ли он насмехается надо мной, то ли пытается меня очаровать.

Незнакомец без всякого предупреждения плюхнулся на край камня и начал разуваться. Его сапоги держались на кожаных шнурках под коленями. Он ослабил узлы, насвистывая.

– Что ты творишь?

Он снял один сапог, затем другой.

– Я много часов шел пешком.

– Откуда? Ты не из Эмити-Фолз.

– Верно, – согласился незнакомец, отбрасывая забрызганные грязью носки и разминая пальцы ног. Закатав штаны из оленьей кожи, он оголил мускулистые икры и, застонав от удовольствия, опустил ступни в шумящую реку. – Ох, как мне этого не хватало! Я готов так весь день просидеть.

Он откинулся назад, опершись на локти, и принялся лениво болтать ногами в воде, беззаботно греясь в лучах солнца, словно какой-нибудь из древних богов, о которых мы читали в школе. Пан, например, или тот, который любил вино и танцы. Дионис, вспомнила я через несколько секунд.

– Так откуда ты?

Он взглянул на меня, прищурившись.

– Какая ты настойчивая.

– А ты не ответил ни на один мой вопрос.

Его правая бровь красиво изогнулась.

– Неужели? Как невежливо. Клянусь, на следующий я обязательно отвечу. – Он торжественно приложил руку к груди. – Давай, не упusti свой шанс. Спрашивай что угодно.

Я скрестила руки на груди:

– Как тебя зовут?

Юноша наморщил нос:

– Нет, только не это. Ты могла спросить что угодно и выбрала такую приземленную тему. Нет, нет, нет. Я дам тебе еще одну попытку.

Я невольно фыркнула:

– Ты шутишь?

– Ни в коем случае. – Он хлопнул в ладоши. – Вот видишь, я ответил. Теперь ты тоже должна мне ответ на вопрос.

– Ничего я тебе не должна. Это вообще не настоящий вопрос.

– Позволю себе не согласиться. Ты бросила мне вызов, вынуждая дать ответ. Это ли не вопрос? К тому же... – Он усмехнулся. – Ты повысила тон голоса в конце. Всем известно, что это признак вопроса. Ну а я дал тебе ответ. Теперь ты тоже должна мне ответить.

– Ладно. И что же ты хочешь спросить?

В уголках его глаз появились морщинки, а губы сложились в широкую безудержную улыбку.

– Как тебя зовут?

– Серьезно? – Я раздраженно нахмурилась, но в конце концов уступила. – Эллери.

– Эллери... – протянул он, явно ожидая продолжения.

– Даунинг.

– Даунинг, – повторил незнакомец. – Твой отец здешний пчеловод, верно? Я слышал, что, если окажусь в этих местах во время сбора урожая, нужно непременно купить у него баночку.

– От кого?

Он склонил голову набок, как будто не понял вопроса.

– От кого ты слышал про папу? И про мед?

– У тебя появился шанс исправить положение, а ты выбрала эти вопросы? – Он снова опустил локти. – Ты совсем

не умеешь играть в эту игру, Эллери Даунинг.

– Я не знала, что мы во что-то играем.

– Конечно. Все во что-нибудь играют, разве нет?

Его голос звучал легко и весело, но излишняя фамилльярность нервировала меня, и я снова оглянулась на бельевые веревки, надеясь, что подует ветер и папа сможет увидеть этого чужака.

– Так как тебя зовут? – спросила я. Мне вдруг захотелось, чтобы этот разговор поскорее закончился. – Мое имя ты уже знаешь. Было бы справедливо назвать мне свое.

– Игры очень редко бывают справедливыми, девочка с медовыми волосами. – Он улыбнулся, сверкнув зубами.

Его наглость меня бесила. Я отвернулась, выполоскала рубашку и повесила на веревку. Остальное достираю после обеда, а заодно приведу с собой папу на случай, если незнакомец не уйдет. Уж он-то вытянет ответы из этого нахала.

– Эллери! – позвал он, когда стало ясно, что я перестала обращать на него внимание.

Я сложила пустые корзины, подперла их бедром и только тогда осмелилась взглянуть на него.

– Не нужно мне больше вопросов. Я и так уже узнала о тебе все, что нужно. – Гордо фыркнув, я развернулась и миновала первый ряд белья, направляясь домой.

– Очень сомневаюсь, – крикнул он мне вслед, но я собрала волю в кулак и ни разу не оглянулась.

– Я встретила у реки незнакомца, – объявила я после того, как мы сели за стол и прочитали молитву.

Все повернулись ко мне, даже папа.

– Он вышел из леса, пока я стирала одежду.

Мама встревоженно посмотрела на папу, широко раскрыв глаза. Он постучал пальцем по столу, размышляя, что делать с такими новостями. Я слабо улыбнулась, представив, как папа хватается ружье с полки над камином и в гневе мчится к реке. Посмотрим, как этот незнакомец будет уклоняться от простых вопросов под дулом.

– Я сказала ему, где граница наших земель. Он за нее не заходил, – добавила я справедливости ради.

Папа потянулся к миске с вареными яйцами и положил себе две штуки.

– Как он выглядит?

Я чуть не сказала «красивый», но вовремя спохватилась.

– Высокий. Похоже, мой ровесник. В сапогах.

Папа кивнул:

– Траппер, наверное. Прошлой зимой умер Жан Гарро. Думаю, этой осенью в округе появятся новые лица. Кто-нибудь не упустит возможности занять его территорию.

– Может, нужно предупредить его насчет чудовищ? – спросила Сейди, вытянув шею и высматривая траппера в ок-

но.

– Возможно, – задумчиво сказал папа. – Трапперы обычно держатся особняком, пока у них не готовы шкуры на продажу. Но если он ходит по этим лесам, ему нужно соблюдать осторожность. – Он посмотрел на меня. – Ты не видела, у него есть оружие?

Я наморщила лоб, пытаюсь вспомнить подробности. Ружья я не видела, но, если он траппер, у него непременно имеется целый арсенал ножей. И еще был мешок, доверху чем-то набитый.

– По-моему, нет. Но у него большая сумка.

Папа нахмурился.

– После обеда покажешь мне, где это было? Наверное, он уже ушел, но на всякий случай нужно проверить.

– Хочешь, я схожу с тобой, папа? – спросил Сэмюэль. Сегодня он впервые спустился вниз с помощью Мерри и Сейди.

– Мы справимся, – ответил папа, накалывая на вилку картофелину. – Но сегодня мне понадобится твоя помощь с ульями. Дымарь удержишь?

У меня внутри все оборвалось. Я надеялась, что, пока Сэм поправляется, меня еще раз возьмут к пчелам. Я спрятала красную ладонь под стол, как будто могла тем самым отменить последние три дня и мое глупое решение.

Сэмюэль нахмурился, покосившись на костыли, стоящие у стены.

– Я... я попытаюсь, но...

– Просто возьми Эллери, – сказала мама. – Ваша ссора слишком затянулась. Она проголосовала по-своему и имела на это полное право. Забудь, Гидеон.

Слова рвались из папиных губ, будто вода, грозя прорвать плотину. Я уже думала, что сейчас они хлынут и утопят нас всех, но в последний момент папа проглотил их и тяжело вздохнул.

– Ты закончила с сегодняшними делами, Эллери?

– Осталась последняя корзина белья.

Он неопределенно хмыкнул и попросил передать печенье. Мама протянула ему тарелку, но не отпускала, пока папа не поднял на меня взгляд.

– Когда закончишь со стиркой... Почему бы тебе не помочь мне с ульями? – Он так сильно стиснул зубы, что я испугалась, как бы они не сломались.

Я покорно опустила взгляд, но внутри у меня все сжалось. Я мечтала доказать отцу, что я не хуже Сэмюэля, но только не так. Не тогда, когда он предпочел бы видеть рядом с собой кого угодно, только не меня. Все могло пойти наперекосяк. Отец будет напряжен, и пчелы это почувствуют. Они нападут, и к вечеру мы потеряем половину улья. И я буду во всем виновата.

Теплая рука легла на мое колено и сжала его. Мама едва заметно улыбнулась мне. Она смотрела на меня ободряюще, и я начала надеяться, что все же смогу исправить свою ошибку. Может, мне удастся воспользоваться временем, ко-

торое мы вынужденно проведем вместе, и объяснить, почему я так поступила, почему проголосовала против него. По крайней мере, в защитном костюме мои руки ничем не будут отличаться от его.

– А ты не хочешь взять ружье? – крикнула я папе вслед, когда он выскользнул за дверь.

Я только успела ополоснуть последнюю тарелку и протянуть ее Сейди, чтобы та протерла ее и убрала. Сквозь кухонное окно я заметила, как папа остановился на ступеньках, ведущих во двор. Он стоял спиной к дому, так что я не видела выражение его лица, но плечи у него как будто расслабились, когда он задумался над моим вопросом.

– Думаешь, нужно?

Я выжала тряпку и вышла к нему на крыльцо.

– Возможно. На всякий случай.

Папа обернулся.

– Он что-нибудь такое сказал? Почему ты решила, что нам понадобится ружье?

Я вспомнила голос незнакомца, его почти издевательский тон и свое сожаление, что у меня нет ружья. Сейчас, оглядываясь назад, я все еще помнила это чувство, но не могла сказать, чем оно было вызвано. Задумавшись на секунду, я покачала головой:

– Вроде бы нет.

Папа посмотрел на солнце:

– Но день и впрямь очень теплый. Сбегай-ка все-таки за ружьем. Вдруг там змеи.

Колючий комок страха, застрявший у меня в груди, уменьшился, будто дикобраз, который успокоился и опустил иглы. Папа выбьет все нужные сведения из этого мальчишки. Если тот еще не ушел.

* * *

Мы увидели его, когда пробирались сквозь ряды сохнувшей на веревках одежды. Чужак по-прежнему лежал на камне, опустив ноги в воду. Он прикрыл лицо темной шерстяной шляпой и не шевелился – видимо, уснул.

– Лучше не опускать ноги в эту речку! – крикнул папа, предупреждая о нашем приближении. – Водяные ужи могут принять их за тритонов. Они не ядовиты, но кусаются все равно больно.

Юноша снял шляпу и заслонился ею от солнца, чтобы посмотреть на нас. Лениво потянувшись, он сел, но ног из воды так и не вынул.

– Ужи, говорите?

Папа кивнул.

Через несколько секунд настороженного молчания юноша все же вытащил ноги из ручья.

– Все равно они уже замерзли.

– Я Гидеон Даунинг, – представился папа. Он остановился в нескольких ярдах от воды, даже не пытаясь скрыть от незнакомца ружье.

– Пчеловод, – добавил юноша.

Папа оперся на приклад ружья. Его поза казалась непри-
нужденной, но от него исходило напряжение, от которого у
меня буквально сводило зубы. Оно придавало веса каждому
слову в этом разговоре.

– Ты просто мимо шел или думаешь задержаться?

– Делаю обход, – уклончиво ответил юноша.

– С родителями?

– Нет, я... с товарищами, – сообщил он.

– Вот как?

Ленивый темп их разговора сводил меня с ума. У меня
зачесались руки. Хотелось схватить ружье, дать предупреди-
тельный залп в воздух и потребовать однозначных ответов.

– У нас тут неподалеку небольшой лагерь. – Чужак ука-
зал на самую западную гору. – Я шел вдоль реки и случайно
увидел... – Он сделал длинную паузу, как будто уже успел
забыть мое имя. Удивительно, как сильно это меня задело.

– Эллери, – подсказал папа.

– Эллери, – повторил юноша. – Я не хотел никого трево-
жить. Она мне сразу сообщила, где граница ваших владений.
Постараюсь держаться подальше. Не хотелось бы по ошибке
зайти на чужую землю. А то ведь и пристрелить могут.

– В Эмити-Фолз тебя, скорее всего, не обидят, – ответил
папа, едва заметно расслабившись. – Мы заходим в лес толь-
ко тогда, когда направляемся к перевалу.

Незнакомец с довольным видом потер подбородок.

– Я как раз поэтому и пришел поговорить. В последнее время тут бродят... волки. На прошлой неделе они растерзали наш обоз. Шесть человек погибло.

Юноша присвистнул сквозь зубы.

– Это точно?

Мрачно сжав губы, папа кивнул.

– Сожалею о вашей утрате. Волчьих следов я не видел, но теперь буду повнимательнее. Спасибо, что предупредили.

Папа почесал затылок и перевел на незнакомца пронзительный взгляд.

– Я, кажется, не расслышал твое имя, сынок. – Последнее слово прозвучало странно и отрывисто, словно недосказанная угроза. Я обрадовалась, увидев, что уловки этого мальчишки на папе не сработали.

– Вы и не могли, я его не называл. – После неловкой паузы юноша усмехнулся, снимая напряжение. Потом отряхнул штаны и перешел речушку, чтобы протянуть отцу руку. – Меня зовут Прайс.

Неправда. В Эмити-Фолз все служило практическим целям. Имена имели вес и были тесно связаны с человеком или местом, точно клеймо, выжженное каленым железом. Высокие темные горы? Черные Зубцы. Озеро, полное цветущих водорослей? Зеленое. Имя вплеталось в самую суть вещи. Кем бы ни был этот человек, его звали не Прайс. Имя «Прайс» не подходило к его длинной фигуре, точно пальто не по росту.

Если папа и заметил эту ложь, то ничего не сказал. Про-

сто пожал юноше руку, и они принялись непринужденно обсуждать Длань Господню. Прайс, как он себя назвал, вырос не в этих местах и сказал, что будет рад советам. Когда папа спросил, где тот родился, Прайс покосился на меня и усмехнулся.

– На западе, – ответил он, опять уклоняясь от ответа.

– Где? – встряла я. – Где именно на западе?

– Эллери, – осадил меня папа. – Он сам скажет, если захочет.

Прайс снова рассмеялся, но как-то напряженно.

– На побережье.

– Но где именно? – не унималась я. – У нас большая страна. Западное побережье ужасно длинное.

– Эллери всегда отличалась любопытством, – извиняющимся тоном произнес папа.

Чужак словно по-новому взглянул на меня. Вблизи я наконец смогла рассмотреть его глаза. Они блестели, прозрачные и светлые, как ручей. То бледно-серые, то янтарные. Он улыбнулся, довольный чем-то, что разглядел во мне, и в его радужках мелькнула зелень.

– И упрямством, полагаю.

Папа многозначительно посмотрел на него, соглашаясь с этим утверждением.

– Значит, удержишься возле Эмити-Фолз?

– Да, подумываю. Первый обход меня обнадежил. – Его взгляд скользнул по соснам. – Очень обнадежил. Возможно,

меня ждет лучший сезон в жизни.

– Если удержишься, заходи как-нибудь на ужин. Молодому человеку бывает тяжело постоянно готовить на костре. Еще в городе есть таверна – ее держит Кельвин Берман. Вкусная еда, хорошая компания. Загляни как-нибудь. Без покупателей не останешься, если шкуры будут хорошие, а цены разумные.

– Люблю выгодные сделки, – усмехнулся парень. – Непременно зайду в таверну. И спасибо за приглашение, очень мило с вашей стороны. Надеюсь, в меню будет медовый торт? Слава о нем разошлась по всем склонам гор.

– Думаю, жена не откажется его приготовить, – сказал папа и снова протянул руку, показывая, что разговор окончен. – Добро пожаловать в Эмити-Фолз, Прайс.

– Благодарю, сэр, – ответил тот, крепко пожимая папину руку.

– Эллери, ты еще не закончила стирку?

Папа и так знал ответ.

– Давай-ка я помогу тебе развесить белье. Быстрее вернешься домой.

Странное предложение. Отец никогда не помогал нам со стиркой, ею всегда занимались только мы, девочки. Но Прайс понял намек и вернулся на противоположный берег, чтобы надеть сапоги.

– До встречи, семейство Даунинг, – сказал он, махнув рукой на прощание, а затем закинул мешок за спину и нырнул

в лес.

Мы помолчали, глядя ему вслед, пока чужак окончательно не скрылся среди деревьев. Лишь тогда я повернулась к корыту, в котором давно растаяла пена. Так странно было находиться здесь с папой, работать под его присмотром. Наверное, ему тоже было неловко. Он явно не знал, чем занять руки.

– Я разведу огонь, – предложил папа, опустившись на колени у кострища. Пока меня не было, пламя погасло, оставив после себя одну золу. Папа взял кусочек кремня, но так и не попытался высечь искру, только задумчиво постучал по нему пальцем. Желтая краска на его руке ничуть не побледнела с того дня, когда он оставил отпечаток в книге голосований. Его лицо было хмурым и замкнутым. Я не могла даже предположить, какие слова крутятся в его голове.

– Давным-давно на востоке, когда мой дед был не старше тебя, его отец решил собрать несколько лишних баночек меда. Год выдался тяжелый. После весенних дождей река возле их дома вышла из берегов и все затопила. В наводнении погибло много добра. Прадед решил воспользоваться урожаем, чтобы восполнить потери. Он достал сначала одну лишнюю рамку, потом еще одну. В том году весна пришла рано, и все ждали, что на следующий год будет так же. Но вышло по-другому. Снег пролежал на равнинах до середины мая. Улью не хватило меда, и рой начал голодать. За ту зиму они потеряли всех пчел. И все ради того, чтобы прадед мог продать

несколько баночек меда.

– Что было дальше? – Мне никогда раньше не рассказывали эту историю, и теперь я слушала, полностью поглощенная страшным рассказом.

Папа пожал плечами:

– Прадед понял, что единственный шанс выкарабкаться – это начать заново. Они наслушались рассказов о ничейных землях на севере и присоединились к каравану, идущему на запад. Там дедушка встретил бабушку, а когда она захотела остановиться в Эмити-Фолз, он остался с ней. – Папа потерял губы. – Они поселились здесь, участвовали в основании города и выстроили ульи. Эту историю дед рассказывал моему отцу каждый год перед сбором урожая. Однажды я тоже захотел достать лишнюю рамку, и тогда папа рассказал ее мне... Иногда приходится пренебречь собственными желаниями ради блага всего улья. – Его взгляд упал на мою спрятанную руку.

Я поняла, о чем он. Мы все вместе строили город в глуши. Если кто-то один терпел неудачу, это могло поставить под угрозу остальных. Каждое отдельное действие влияло на всю общину. Моя ладонь горела от стыда.

– За одну зиму с нами ведь ничего не случится, правда, папа? – Мой голос дрогнул, и я вновь почувствовала себя испуганной пятилетней девочкой, крадущейся во время грозы в родительскую комнату за утешением. За защитой. За сказкой, которая поможет развеять ночные кошмары.

– Может, и не случится, – ответил папа, но без уверенности. Видимо, теперь, когда я была достаточно взрослой, чтобы участвовать в голосовании, утешать меня напрасными надеждами он тоже не планировал. – Лето было позднее, собирать урожай придется в спешке – всем, не только нам. Если удастся запасти достаточно продовольствия и разумно его расходовать, мы справимся.

Я прислонилась к его плечу. Папа показал на корзину с грязным бельем:

– Это обязательно нужно выстирать сегодня?

– Думаю... думаю, нет. – Я окинула взглядом бельеые веревки. – Остались только шерстяные носки Сэма, но сейчас они ему не нужны из-за шины.

Папа махнул рукой и поднялся.

– Давай-ка мы отправим сюда Мерри и Сейди за чистым бельем, а сами сходим проверить улы?

– Правда?

Он протянул мне правую руку, окрашенную в желтый, и я вложила пальцы в его ладонь. Солнце окрасило мир в такой насыщенный бронзовый цвет, что когда я посмотрела на свою вторую руку, то не смогла рассмотреть красный след.

– Слышали про чужаков? – спросила Пруденс Латетон, отрывая нитку и проворно вдевая ее в игольное ушко.

Рано утром мама повела нас в дом пастора, где Летиция Брайард собрала женщин за шитьем в честь грядущей свадьбы Элис Хейзелман и Грэна Фаулера. Элис двадцать восемь лет учила детей в школе Эмити-Фолз. Ей было далеко за сорок, и все уже думали, что она так и не выйдет замуж, но в одно воскресное утро – сразу после того, как пастор Брайард попросил прихожан поделиться радостями и тревогами, чтобы помолиться о них, – птицевод встал и заявил о своих нежных чувствах к Элис. Их свадьбу назначили на конец августа, и все женщины Эмити-Фолз принялись собирать приданое для учительницы.

Впервые в жизни я удостоилась чести работать со старшими женщинами. Мне доверили вышить уголок яркого одеяла. Но, выслушав бесконечный список болезней старой вдовы Маллинз и советы невесте от замужних женщин, заставившие меня покраснеть, я начала с завистью поглядывать на девочек, с которыми сидела моя сестра. Расположившись на длинной скамье, они шили наволочки и хихикали, слушая, как Вильгельмина Дженкинс рассказывает что-то полупрошепотом.

– Чужаков? – повторила Летиция Брайард, занимавшая

почетное место у верхнего края одеяла. Несмотря на то что в гостиной было жарко, ситцевое платье пасторской жены выглядело чистенько и аккуратно, а складки были ровно отглажены – у меня никогда так не получалось. Я ни разу не видела, чтобы у Летиции выбилась из прически хотя бы одна прядка.

– Двое мужчин вчера заходили в лавку, просили моего Эдмунда взглянуть на сломанное колесо повозки. Я никогда не видела такой потрепанной повозки. Она едва не развалилась, пока ее дотащили до нас.

– Чужаки в Эмити-Фолз? – переспросила Шарлотта Додсон. – Маттиас ничего об этом не говорил. Передай, пожалуйста, ножницы.

Пруденс протянула ей инструмент.

– Вроде как новые трапперы. Хотят попытать счастья на территории Жана Гарро.

Летиция недовольно фыркнула. Весь город знал, что Брайарды презируют француза. Тот никогда не бывал трезв и разговаривал такими многоэтажными конструкциями, что краснели даже работники на ранчо.

– А больше они ничего не говорили? – осмелилась спросить я.

При мысли о незнакомце, который назвался Прайсом, мои щеки потеплели, точно печеные яблоки. Воспоминания были подернуты солнечной дымкой, словно с нашего знакомства прошло несколько месяцев, а не несколько дней. Умом

я понимала, что, скорее всего, сама додумала золотистый оттенок кожи, густые угольно-черные ресницы и остроумие чужака. Я приписывала ему гораздо больше очарования, чем он заслуживал. И все же в глубине души я надеялась, что чужак обо мне упоминал.

– Расспрашивали о том, какая дичь водится в лесу.

– Никто из нас и вообразить не может, что водится в здешних лесах, – сказала Шарлотта, закрепив нитку.

– Аминь, – ответила Летиция, и мы все на минуту погрузились в размышления.

– А вы слышали, что случилось у Джудда Абрамса? – спросила Кора Шефер, драматично понизив голос до шепота.

Я наклонилась ближе.

– Нет.

– Может, лучше ничего не говорить. Уж очень жутко.

– Расскажи, Кора. Ясно же, что тебе хочется, – не выдержала Пруденс.

Жена Старейшины пожала плечами:

– На прошлой неделе у него ожеребились три кобылы.

Пруденс изогнула тонкую бровь, не удивленная новостью.

– Такую историю и один-то раз рассказывать не стоит, не то что повторять.

– Джудд говорит, – невозмутимо продолжила Кора, – до родов у кобыл не было никаких признаков беременности. И к жеребцам их давно не подпускали. Он их держал в отдель-

ном загоне на северном поле – всех кобыл, взрослых и маленьких, понимаете? Но самое странное... – Она еще сильнее понизила голос. – С жеребятами что-то... не то.

На лице у Элис мелькнул интерес.

– В каком смысле?

– Один родился со сросшимися веками...

Шарлотта нахмурилась:

– Так часто бывает. В прошлом году у Маттиаса кобыла родила точно такого же мертвого жеребенка.

– Но этот родился живым, – возразила Кора, раздраженная тем, что ее перебивают. – И веки у него были странные – прозрачные, как сказал Джудд. Сквозь них было видно, как глаза у жеребенка двигаются и смотрят на него. Говорит, мол, они следили за каждым его движением и точно его видели.

Я застыла, воткнув иголку в одеяло, и вздрогнула.

– А остальные жеребята? – спросила Пруденс.

Кора цокнула языком и завязала узел.

– Просто жуть! – Она не спеша покопалась в корзинке в поисках катушки, нагнетая напряжение. – У второго позвончик оказался снаружи. Отростки торчали, как шипы дикобраза. Когда жеребенок попытался встать, кости сломались, и он, слава богу, отбросил копыта. А третий был еще хуже! Джудд сказал...

Бонни Мэддин, сидевшая рядом со мной, уронила свой край одеяла и выбежала из комнаты, зажав рот руками.

– Дамы, не лучше ли сменить тему? – как всегда тактично предложила мама. Даже у нее лицо стало зеленовато-бледным – наверное, ее тоже расстроил этот разговор. Я мысленно помолилась о ее будущем малыше и о том, чтобы он вырос здоровым и сильным. – Можно ведь поговорить о чем-нибудь поприятнее. Летиция, я заметила, что у тебя как раз распускаются циннии. По-моему, я еще никогда не видела таких огромных цветов.

Разговор пошел в другом направлении, а мама встрети-лась со мной взглядом и кивком указала на дверь, намекая, что я должна сходить проверить Бонни. Я извинилась и скользнула в кухню, куда убежала бедняжка. Там была Ребекка. Она мыла чашки в большой раковине и с улыбкой поглядывала в окно, наблюдая за тем, как Бонни тошнит прямо на драгоценную клумбу Летиции Брайард.

– Пастор закатит истерику, когда увидит это, – предположила Ребекка, когда подруги Бонни кинулись к ней и потащили ее к уборной. Потом она обернулась, увидела, кто вошел в кухню, и переменялась в лице. – Эллери.

– Реббека, – ответила я таким же невыразительным тоном. Воцарилось неловкое молчание. – Тебе... тебе помочь?

Она чуть скривила губы:

– Можешь протереть посуду, если хочешь.

Несколько минут мы работали молча. За нас говорил звон чашек и тарелок. Слова копились у меня в горле, незаконченные предложения и недодуманные мысли разрастались,

заполняя все внутри, и наконец я поняла, что больше не могу их сдерживать:

– Прости, – начала было я, но в это мгновение Ребекка тоже решила нарушить молчание:

– Эллери, прости меня, пожалуйста.

Мы умолкли. Робкая надежда проложила между нами первый мостик, и мы обе рассмеялись.

– Я не хотела ничего от тебя скрывать, – сказала она, коснувшись моей руки.

– Это не имеет значения, Ребекка. Я не должна была злиться. Просто эти новости застали меня врасплох. Я никогда...

– Я никогда... – согласилась она, и наши слова иссякли. Ребекка снова повернулась к раковине и окунула пальцы в мыльные пузырьки.

– Ты с ним счастлива? – спросила я, забирая у нее вымытую чашку, чтобы вытереть полотенцем.

– Я... – Ее лицо засияло от удовольствия. – Да, Эллери, я счастлива. Никогда не думала, что испытаю такое.

Я почувствовала укол зависти где-то в груди и тут же постаралась подавить ее. Я не должна была злиться на подругу за то, что она счастлива, но в то же время не хотела представлять ее в объятиях своего брата. От этих мыслей мне становилось одиноко.

Всего пару недель назад Ребекка ночевала у меня. Мы до раннего утра сидели на сеновале и рассказывали друг дру-

гу истории. Я волновалась из-за приближения осени. В этом году нам впервые не надо было идти в школу с другими подростками. Нам обоим уже исполнилось восемнадцать, и мы теперь считались взрослыми, но пока не успели это осознать. У меня не было ухажеров, а лето тянулось, и казалось, что ничего не изменилось. Ребекка предполагала, что после сбора урожая юноши Эмити-Фолз поймут, что конкретно могут предложить своей избраннице, и к нам выстроится целая очередь. Тогда ее слова очень меня утешили. Но как легко, оказывается, ей было говорить об этом. У нее-то уже был кавалер.

В городе хватало юношей – моих ровесников, которых я знала всю жизнь, но никогда не задумывалась о том, каково это – поймать их взгляд, полный счастья и искрящийся желанием. Я никогда не представляла, как гуляю с ними под луной и целуюсь за школой. Не могла даже вообразить, что почувствую, если кто-то подарит мне цветок, кольцо... свое сердце.

Я всегда думала, что мы с Ребеккой переживем все это вместе. Найдем кавалеров, будем хихикать, обсуждая свои первые поцелуи, праздную помолвку. Знать, что она ушла вперед без меня, было неожиданно больно. Мысль об этом вонзалась под ребро, точно нож, причиняя страдания на каждом вдохе.

– Это... чудесно, – услышала я собственные слова будто со стороны, вернувшись в настоящее, на кухню, к лучшей

подруге, которой ни капли не завидовала.

– Да, – согласилась Ребекка, едва не сияя от радости. – И... есть еще кое-что. Я... я даже не знаю, как об этом сказать. Сэмюэлю я еще не говорила... Хотела, чтобы ты узнала первой. Ты для меня не просто подруга, Эллери. Я всегда считала тебя почти сестрой, понимаешь?

– Конечно. – Я сжала ее руку. Она дрожала.

– Я... – Ребекка закусил губу, улыбаясь. – Я беременна.

– Беременна, – повторила я, не забыв понизить голос, несмотря на свое изумление. – Ты носишь ребенка?

Она хихикнула:

– Надеюсь. Кого же еще? Я... Я не думала, что все выйдет вот так. Думала, что подожду до свадьбы, но Сэм... Он просто... Он такой...

Ее щеки ярко порозовели, и я подняла руку, останавливая ее жестом, пока она не вывалила на меня все.

– Подробности мне знать не обязательно, – заверила я ее. Ребекка снова рассмеялась:

– Разумеется.

– Но... Ты ведь скажешь ему? И скоро?

Она кивнула:

– Вообще-то я надеялась, что ты мне поможешь... Я просто очень волнуюсь.

– Волнуешься? Он же тебя любит.

Ребекка посмотрела мне в глаза и улыбнулась.

– Я знаю. Просто... Это такое большое событие. Мы с ним

еще не обсуждали никакие... большие события. Я думала, что он сделает мне предложение после сбора урожая, но теперь... – Она взволнованно переплела пальцы. – Я просто хочу, чтобы он обрадовался, вот и все. Все-таки это очень неожиданно.

– Но если... Вы уже... – Я смущенно умолкла. – Не может же он не думать о следующем шаге?

Мне самой стало противно от того, как небрежно я об этом упомянула. Это был не просто шаг, не просто короткий отрезок пути. Сэм и Ребекка ушли далеко вперед, оставив меня позади, и мне казалось, что между нами пролегло множество миль. Они вместе отправились в таинственную неизвестность, а я застряла на прежнем месте совсем одна.

Я покосилась на ее живот. Фартук закрывал перёд платья, и я не могла понять, то ли она просто бережет одежду, то ли пытается скрыть живот.

– Давно уже?

Она пожала плечами:

– Нет. Я сама заметила всего пару дней назад. Думала, месячные просто запаздывают, но я чувствую себя по-другому, понимаешь?

Я не понимала. И в глубине души боялась, что никогда не пойму.

– Ты ведь никому не расскажешь, правда, Эллери? Конечно, нет. Знаю, что не расскажешь, – продолжала она. Фразы поспешно срывались с ее губ, спотыкаясь друг о друга.

– Ни за что не расскажу, – пообещала я. – Но вот тебе точно нужно поговорить с Сэмом, и как можно скорее. Такой секрет не получится вечно прятать под фартуком.

Она закивала, а из соседней комнаты донесся взрыв смеха. Старшие женщины продолжали шить и сплетничать, не догадываясь о том, какой скандал сейчас разворачивался прямо на пасторской кухне.

– Только подумай, – счастливо вздохнула Ребекка. – Следующее одеяло сошьют для меня. – Она поцеловала меня в щеку и направилась в гостиную, оставив мне ряды чашек, которые нужно было убрать в шкаф.

* * *

На двери магазина появилась вывеска, прибитая двумя гвоздиками. От затянувшейся жары края листка завернулись, закрывая текст. Мы добрались до магазина по пыльной дороге. Мерри несла нашу швейную коробку под мышкой, а мама перечитывала список покупок.

Когда мы вышли из пасторского дома, она заверила нас, что нам нужно совсем немного. Мама всегда старалась убить двух зайцев. Сейди первая взлетела по лестнице, встала на цыпочки и разгладила помятый листок.

– «В долг не отпускаем. Только за наличные», – удивленно прочитала она. – Что это значит, мама?

Мама сунула руку в карман и извлекла несколько мо-

нет. Она никогда не выходила из дома, не захватив с собой немного денег – просто так, на всякий случай. Но, сосчитав монеты, мама нахмурилась.

– Это значит, что мы не сможем взять все, что я хотела. – Она постучала пальцем по списку, взвешивая ценность каждого пункта. – Эллери, возьми сахар. А ты, Мерри, чай.

– А я? – спросила Сейди, крутясь на месте. Ее юбка развевалась на искусственно созданном ветерке.

– А ты можешь сходить со мной провести Молли Макклири, – сказала мама.

Она взяла Сейди за руку и повела ее к боковой лестнице, ведущей в комнаты, где жили Молли и Джебедайя. Раньше. Теперь осталась только Молли. Я не заходила в магазин с тех пор, как ушел обоз. Может, случившаяся трагедия оставила здесь свой след, легла на полки тенью печали и отчаяния. Но латунный колокольчик над дверью звенел так же бодро, как раньше.

Служащий магазина, юноша по имени Джозеф, коротко поздоровался, но его тут же перебил звон колокольчика. Ребекка скользнула в магазин и скрылась между рядов. Папа с Сэмюэлем должны были забрать нас на повозке, и я знала, что она надеется увидеться с моим братом.

Дверь снова открылась, и в дверь вошли одноклассницы Мерри. Заметив Джозефа за прилавком, они встали в кружок и принялись восторженно перешептываться.

– Добрый день, девушки, – приветствовал он их.

Они захихикали, а его лицо покраснело под стать ярко-рыжим волосам. Дверь снова открылась, и в магазин вошла Пруденс Латетон в сопровождении Коры Шефер.

— Что это за новости такие, что Макклири не отпускают в долг? — рявкнула она, не обращая внимания на попытки Джозефа поздороваться.

Тот слегка помрачнел.

— Эймос взял все дела в свои руки, после того как Джеб... Ну вы понимаете. До весны новых поставок не будет... Думаю, он просто хочет чувствовать себя спокойнее. Уверен, как только долги будут закрыты, все вернется на круги своя.

— Ох уж этот Старейшина! — вздохнула Пруденс. — Ладно, мне сегодня нужна только катушка ниток. Льняных, если найдется.

По пути к бакалейному отделу я заметила, что на полках стало пусто, а выбор уменьшился. Внизу стояло всего три мешка муки. Обычно их было так много, что они то и дело валялись людям под ноги, осыпая все вокруг белой пудрой.

На верхней полке стоял одинокий мешочек сахара. В нем было всего пять фунтов — меньше, чем написала в списке мама, но я все равно его взяла. Перед уходом попрошу Джозефа принести еще пять фунтов со склада и напомню, что на полки нужно добавить товара.

Пруденс все еще копалась в ящике с катушками, подни-

мая повыше то одну, то другую, чтобы внимательно рассмотреть цвет. Джозеф листал большую учетную книгу.

– Пожалуй, вот это подойдет, – решила наконец Пруденс, достала десятицентовик из кармана фартука и положила на прилавок, кивнув на прощание.

– Вообще-то, миссис Латетон, – пискнул юноша, – с вас немного больше.

Все женщины в магазине замерли и повернулись к прилавку.

– Больше? – удивилась Пруденс.

Служащий заметно смутился.

– Ну, потому что... – Он постучал пальцем по учетной книге, отыскав фамилию Латтеон.

– Я же заплатила наличными. Вы все видели.

– Но на ваше имя долг... Боюсь, прежде чем купить что-нибудь еще, его придется выплатить.

В дальнем углу магазина кто-то ахнул. Я обернулась и увидела, как Джейн, подружка Мерри, ставит обратно банку кофе, которую собиралась купить.

– Какая чушь! – воскликнула Пруденс. – Нельзя так резко менять порядки, не предупредив людей заранее! Я столько денег с собой не ношу. Да и никто не носит.

Джозеф забрал у нее катушку:

– Я могу отложить ее для вас.

Думаю, он предложил это от чистого сердца, но лицо у Пруденс вспыхнуло от стыда и гнева. Она открыла рот, яв-

но готовясь бросить ему в лицо что-нибудь холодное и колкое, но ничего не придумала. После нескольких секунд напряженного молчания Пруденс резко развернулась на каблучках и вышла, хлопнув дверью. Горсть монет, которую дала мне мама, вдруг показалась совсем ничтожной, когда я подошла к прилавку. Я чувствовала, что за нами наблюдает весь магазин, ожидая развития событий.

– Вам не кажется, что нужно добавить товара на полки? – произнесла я, стараясь справиться с волнением. Я понятия не имела, есть ли у нас долг, и не хотела, чтобы всякие зеваки судачили про маму с папой у них за спиной. – Нам нужно еще пять фунтов сахара, и сейчас моя сестра принесет чай... – Мерри подбежала к прилавку с жестяной коробкой и поставила ее с резким стуком.

Джозеф нашел в списке нашу фамилию.

– У вас долг закрыт. – Он записал наши покупки и посчитал сумму. – С вас два доллара и двенадцать центов.

– И еще мешок сахара, – напомнила я, по-прежнему сжимая монеты в кулаке.

– Больше нет.

– Что? – Я оглянулась через плечо на открытую дверь кладовки. Коробки и мешки были удобно и аккуратно расставлены на больших полках. Бочки с порохом стояли рядом с ящиком, на котором отчетливо читалась надпись «сахар». – Не может быть. Вот же ящик.

Служащий перегнулся через прилавок и понизил голос,

опустив взгляд на древесные узоры:

– Он пуст. Почти все ящики опустели. Обоз должен был доставить новые товары, но...

– О!

Я посмотрела на кладовку свежим взглядом. Всего несколько секунд назад она казалась мне забитой до отказа, а теперь вдруг стала грустной и заброшенной. Пустые ящики ждали хозяина, который никогда не вернется.

– Так вы будете брать сахар? – уточнил Джозеф.

– Конечно, – ответила я, вцепившись в холщовый мешочек. Потом отсчитала монеты, и мы с Мерри забрали покупки.

Нас проводил чуть слышный шепот. Несмотря на то что Джозеф понизил голос, женщины Эмити-Фолз все слышали.

– Что все это значит? – проворчала Мерри, пока мы спускались по крыльцу. – Должны же быть еще запасы. Полки совсем пустые!

Я заметила нашу повозку через несколько домов от магазина. Зенит и Луна стояли привязанные к столбу, но в повозке никого не было. Я спрятала сахар под козлы и помедлила.

– Как думаешь, куда подевались папа с Сэмом?

Мерри окинула взглядом дорогу, все еще сжимая в руках чай. Она не успела высказать предположение – возле конюшни Маттиаса Додсона поднялся шум. Лошади ржали, люди звали всех подойти поближе и посмотреть.

– Почему бы и нет, – сказала Мерри, пожимая плечами.

Во дворе у конюшни кузнеца собралась толпа. Люди жались друг к другу, обступив что-то, чего я не могла разглядеть. Зеваки толкались, пытаюсь пробраться вперед. Мы с Мерри обошли толпу по кругу и остановились возле кузни. Здесь было меньше людей – мало кто готов был терпеть жар, – и мне удалось рассмотреть то, что лежало на земле. Я склонила голову набок. У меня никак не получалось подобрать название тому, что я увидела.

«Это олень, – подумала я. – Самец». Сегодня утром мальчишки Макналли отправились на охоту. Их сестра Флоренс упомянула об этом за шитьем. Вот только величиной этот олень был необычен. В нем вообще все было необычно.

Из туши торчала пятая нога, увечная и уродливая. Вместо парного копыта на конце было пять когтей, загнутых от основания, как у хищной птицы. Шкура была слишком толстой, шесть жесткой и щетинистой, туловище слишком маленьким. А голова...

Я взглянула на рога и ахнула. Они начинались у оленя на лбу, точно кучки мухоморов, и наверняка мешали животному видеть. Ими заросла вся морда. Удивительно, как это несчастное создание вообще поднимало голову под тяжестью стольких рогов. Я насчитала не меньше пяти дюжин, переплетенных между собой, словно ветви деревьев, которым не хватает солнца.

– Вы это на восточной гряде подстрелили? – спросил

Кельвин Берман, присев, чтобы рассмотреть ноги. Он провел пальцем по крючковатому когтю и присвистнул сквозь зубы.

Орин Макналли кивнул:

– Никогда ничего подобного не видели.

– Я видела, – сказала Марта Макклири, осторожно пробираясь вперед сквозь толпу. Ее волосы давно побелели как снег, и она тяжело опиралась на трость, почти такую же, как у ее мужа Эймоса. – Мой отец подстрелил нечто подобное, когда вместо города тут были только палатки и несколько семей, пытающихся отвоевать у природы клочок земли. – Ее губы, тонкие, сухие, изрезанные глубокими морщинами, сжались, прежде чем продолжить рассказ, который она пронесла в памяти сквозь десятилетия. – Отец говорил, что когда-то их тут водились целые стада, прямо на том лугу, где теперь ферма Персимонов. Слишком маленькие. Слишком странные. Мясо несъедобное, шкура слишком толстая. Лучше сжечь. Сжечь и разбросать кости.

– А почему мясо несъедобное? – спросил Орин.

Пока Марта говорила, толпа притихла, и вопрос мальчишки прозвучал резко, как выстрел. Лицо старухи исказила гримаса.

– Плохое. Все плохое.

– А еще такие были? – полюбопытствовал кто-то из толпы.

– Только этот, – ответил Прайор Макналли, обходя вокруг туши. – Надо хотя бы голову оставить. Вот так украшение будет, если повесить над камином, а?

– Да уж украшение, – согласилась Марта, но выражение ее лица совсем не сочеталось со словами. – Делайте как хотите. Вы, молодежь, по-другому не умеете.

Покачав головой, она заковыляла в сторону главной улицы и скрылась за углом – наверняка понесла новости в магазин. Скоро сюда явятся Старейшины. Я хотела еще раз посмотреть на странное существо, но в это мгновение заметила Сэмюэля у входа во двор.

Он отошел в сторону от толпы и разговаривал с Ребеккой, скрывающейся в тени крыльца. Их пальцы были переплетены. Оба улыбались, перешептываясь о чем-то. Хотя поначалу их скрытность причиняла мне боль, теперь, видя, как они счастливы вместе, я почувствовала, как у меня на сердце теплеет, а душевные раны заживают.

Осенью нас ждет много хлопот: нужно будет спланировать свадьбу, помочь им начать совместную жизнь. Решат ли они построить свой дом или останутся с нами? Я представила, как мы с Ребеккой сидим вместе у камина, смотрим, как за окном падает снег, вяжем шапочки и носочки, шьем маленькие уютные одеяльца. В моем воображении они были розовыми. Сэм, конечно, будет надеяться на сына, но я мечтала, что родится девочка. Малышка со светлыми волосами и темно-серыми глазами.

Но что-то пошло не так. Лицо у Сэма постепенно мрачнело, теряя краски, а улыбка погасла. Он резко помотал головой, отступая на шаг от Ребекки.

– Нет, – донес ветер его голос. – Ты ошибаешься.

Ребекка попыталась взять его за руки, но Сэм отдернул их, прижав к груди, и отскочил в сторону. Он снова мотнул головой – еще и еще – и попятился, все дальше и дальше отступая от Ребекки. Та продолжала тянуться к нему, не понимая, что делает только хуже.

Они шипели друг на друга, обмениваясь обвинениями, но толпа была слишком увлечена оленем и ничего не замечала. Наконец Ребекка протянула руки и обхватила Сэмюэля за плечи. Ее пальцы смягчились, поглаживая его по рукам. На мгновение мне показалось, что она вот-вот его поцелует, закончив ссору, разрешив недопонимание, и все обиды будут прощены. Но вместо этого Ребекка влепила ему пощечину и зашагала прочь не оглядываясь.

Правило пятое:

*Пусть твой язык не произносит клеветы, чтоб
ближнего не очернил напрасно ты.*

– Нам нужно поговорить, – сказала я, остановившись в дверях сарая, пока Сэмюэль распрягал лошадей.

– О чем? – проворчал он, перекидывая уздечку через голову Луны.

По дороге Сэм не произнес ни слова. Он сидел в повозке и потирал щеку, как будто след от пощечины все еще был. Сейди болтала о сплетнях, которые подслушала за шитьем, не давая мне возможности завести разговор. Больше никто, похоже, не замечал, что творится с Сэмом.

Я бросила взгляд на дом. Мама с Мерри были в кухне, а Сейди кружилась на боковом крыльце, поднимая пыль юбками и смеясь. Папа тоже молчал по дороге домой, а потом сказал, что ему надо прогуляться, чтобы привести мысли в порядок. Кажется, мы с Сэмом наконец остались наедине.

– Я видела, как вы с Ребеккой поругались, – начала я, наматывая уголок фартука на палец.

Сэм застыл, не оборачиваясь ко мне, напряженно ожидая продолжения.

– Я... я знаю, из-за чего вы поругались, – добавила я.

– Очень сомневаюсь, сестричка, – фыркнул он.

Я вошла в сарай, сокращая расстояние между нами.

– Ребекка мне рассказала... про ребенка... про все.

Сэм снова зашевелился, складывая упряжь на копну сена, чтобы потом почистить и смазать.

– Может, она тебе еще сказала, кто настоящий отец? Поэтому что это не я.

Я ахнула:

– Конечно ты! Она тебя любит...

Сэмюэль повел лошадей в стойла, чтобы почистить.

– Она много кого любит. И только я, дурак, полюбил ее в ответ.

Я удивленно разинула рот:

– Это неправда!

– А я слышал другое. И многие слышали.

– Многие? Какие такие многие?

Брат заправил за ухо прядку волос.

– Чуть раньше я зашел к Берману. Уинтроп Маллинз сказал, что видел ее у реки с сыном Персимонов. – Сэм презрительно фыркнул. – Он даже младше Мерри.

– Что бы там ни говорил Уинтроп, это невозможно. Может, он просто тебя дразнил или...

– Не только Уинтроп. Даже новый траппер об этом говорил, – буркнул он.

Значит, Прайс сегодня был в таверне? Его видели уже многие жители Эмити-Фолз. Мое сердце резко сжалось,

встревоженное тем, что я упустила шанс увидеться с ним. Но я прогнала эти мысли.

– Тот парень, которого я видела у реки?

Сэм пожал плечами:

– Не знаю. Он или кто-то из его друзей. Он был странно одет – пришел в такой модной черной шляпе, будто собрался в оперу, но в штанах из оленьих шкур и с распущенными длинными волосами.

Значит, не Прайс. Кто-то еще из его лагеря.

– Он сказал, что расставлял капканы на северной гряде и наткнулся на парочку в лесу. Это была Ребекка с Саймоном Брайардом. Пасторский сынок! И, судя по состоянию их одежды, они там не молились.

Я вспомнила Ребекку, которую видела утром – раскрасневшуюся, явно влюбленную в моего брата.

– Я знаю, что это неправда!

– О да, ты так много знаешь, Эллери! Я все лето бегал к ней, а ты только сейчас во всем разобралась. Уж прости, но я не очень-то верю в твою способность делать правильные выводы.

Он хлопнул Зенита по крупу, подгоняя заупрямившегося коня. Я отошла в сторону, чтобы не мешать ему работать, а заодно и дать время, чтобы остыть и успокоиться.

– И что ты будешь делать? – спросила я, когда молчание затянулось.

– Делать? Зачем? Ребенок не мой. Я просто забуду все,

что между нами было, и заживу как раньше. — Он захлопнул створку стойла, словно ставя точку в конце своей мысли.

— Лошадей нужно почистить, — напомнила я.

Его лицо пошло пятнами от злости.

— Так что ж ты сама не почищишь? Раз так хорошо знаешь, что должны делать другие.

Я вздохнула, взяла большую плоскую щетку и начала с Луны.

— Откуда... откуда ты знаешь, что ребенок не твой? — Я постаралась произнести это ровно, хотя мне так и хотелось поморщиться.

После паузы Сэм взял вторую щетку и принялся за Зенита.

— Ты правда хочешь знать нелестные подробности моих любовных походов, Эллери?

— Разумеется, нет, но Ребекка уверена, что ребенок от тебя, и я даже представить не могу, чтобы она тебе изменила. — Я нашла особенно спутанный колтун в гриве Луны и сосредоточилась на нем. Хотя бы эту проблему я могла решить.

— Ну а она изменила. Как и сказал траппер. И Уинтроп. Я уверен, что у нее были и другие. Она, может, водит шашни с половиной Эмити-Фолз.

Я осуждающе заглянула в соседнее стойло:

— Сэм, ты не можешь так думать. Это же Ребекка. Я видела, как она смотрит на...

Он направил на меня щетку:

– Не смей указывать мне, что я должен думать! Прекрати совать нос не в свое дело!

Мы злобно уставились друг на друга. Через несколько долгих секунд я отвернулась к Луне. Та покачивалась на месте, как будто не могла выбрать, на чью сторону встать.

– У вас все в порядке? – спросил папа, внезапно возникший в дверях. – Ваши крики от реки слышно.

– Все в порядке, – буркнул Сэмюэль и с неожиданным старанием принялся чистить Зенита.

– Вообще-то...

Я не успела договорить – Сэм перемахнул через перегородку между стойлами и занес руку, словно готовясь смахнуть мои слова пощечиной. Я вскрикнула от неожиданности и спряталась от него за кобылу.

– Богом клянусь, если ты хоть слово кому-нибудь об этом скажешь... – начал он, но папа, ворвавшись в стойло, остановил его. – Отпусти меня! – в гневе выкрикнул Сэмюэль, отталкивая папину руку, но потерял равновесие и налетел на столб.

– Сэм! – встревоженно воскликнула я из своего укрытия.

Папа шагнул к нему, протягивая руку, чтобы помочь.

– Отстань от меня, – прорычал мой брат, поднимаясь на ноги. – Как же мне надоело, что всем в этой семье что-то от меня нужно! Все лезут ко мне, просят все больше и больше. Оставьте меня в покое наконец!

Сэмюэль выскочил из сарая, прежде чем папа успел оста-

новить его.

– Да что такое у вас произошло? – спросил отец, поворачиваясь ко мне.

Его лицо смягчилось, когда он заметил, что у меня глаза на мокром месте. В детстве мы с Сэмом часто ссорились – нас, близнецов, зачастую воспринимали как единое целое, а наши мысли очень различались, – но до кулаков никогда не доходило. Сэм менялся, становился злым и черствым. Я не понимала, почему так происходит. Неужели это просто часть взросления? Неужели нам суждено разойтись в разные стороны?

– Сэм... – Я осеклась. Это была проблема, большая проблема, но решать ее Сэму, и только ему. Я не стану жаловаться отцу, как маленькая запыхавшаяся девочка с косичками. – Да ничего.

Папа окинул меня взглядом:

– Ты в порядке?

Я вышла из стойла. Он тяжело вздохнул:

– Уж и не знаю, что с ним делать. Этим летом от него никакой пользы не добьешься. Ему нужно больше возможностей, больше ответственности. В его возрасте я был уже женат, а скоро и вы подросли. Ему пора взрослеть, становиться мужчиной.

Я неловко сглотнула. Мы с Сэмом были близнецами. Казалось бы, мы должны быть на одном и том же этапе жизни. И какие же возможности, по мнению папы, предназначались

мне? Почему его не тревожило, что я не замужем, что не повзрослела?

Я родилась женщиной. Мое положение в мире было туманным и гибким и определялось местом, которое я занимала в пространстве. В классе я была школьницей. Дома я была дочерью. После того как кто-нибудь наконец решит за мной поухаживать, я стану женой, а затем матерью. А до этих пор — что я такое? Кто я?

Я не знала ответов на эти вопросы и снова почувствовала себя одинокой и брошенной. Меня бросил собственный брат-близнец, с которым нас соединила сама природа. Я открыла рот, но папа хмыкнул, не догадываясь о том, какую бурю поднял в моей душе.

— Если до конца лета он не сделает предложение девчонке Дэнфорт, пожалуй, я сам пойду договариваться за него.

* * *

Этим вечером Сэм не пришел ужинать, а утром его постель так и оставалась нетронутой. Ни на следующий день, ни через день он не появился. Мы не видели его целую неделю.

Хотя родители не упоминали о его отсутствии, я заметила, что мама нервничает, когда остается одна, и смотрит в окно, покусывая губу. У папы, кажется, не хватало сил на тревогу. Нужно было заботиться о посевах. Ухаживать за животны-

ми. И наконец, пора было собирать урожай меда.

В то утро, когда должен был начаться сбор урожая, папа тронул меня за плечо, давая понять, что понадобится моя помощь. Меня охватило такое радостное волнение, что я с трудом заставила себя позавтракать.

Мы с папой надели шляпы, сетки и перчатки и проработали с рассвета до заката, усыпляя пчел дымом и извлекая рамки, полные меда. Мы таскали их через все поле дрожащими руками. Каждый отсек улья мог весить до восьмидесяти фунтов в наполненном состоянии, и, кажется, папа удивился, но обрадовался, увидев, что я не отстаю от него и не замедляю работу.

Приятно было как следует потрудиться. По ночам у меня болели мышцы, но спать я ложилась настолько довольная, что почти никогда не замечала пустующий угол Сэмюэля на чердаке.

* * *

– Мама, ну пожалуйста! – воскликнула Сейди. – Я что угодно сделаю, клянусь!

За несколько дней до восьмого дня рождения Сейди Тринити Брустер одолжила ей потрепанную книжку со сказками. По вечерам я читала их вслух, а сестренка носилась по чердаку, разыгрывая каждую сцену и заставляя Мерри помогать ей, когда нужен был красивый принц или злая королева.

Больше всего она любила сказку «Гензель и Гретель». Сейди словно зачарованная рассматривала картинки и пыталась представить, каким может быть на вкус трехслойный торт на столе у ведьмы.

Сначала она решила, что он, наверное, клубничный, такой сочный и плотный, что его сможет разрезать только настоящий силач. Потом подумала, что это ореховый торт, с жареным пеканом и карамелью. В конце концов она объявила: мол, Эбигейл сказала, что он шоколадный, бока политы глазурью и щедро присыпаны какао-пудрой. Стоило Эбигейл сочинить такой торт, и Сейди уже не могла думать ни о чем другом.

– Мне всего раз в жизни исполнится восемь! Разве это не повод приготовить шоколадный торт? – принялась клянчить она накануне дня рождения с таким же упорством, с каким голодная собака гоняется за костью.

– Так можно про любой день рождения сказать, – возразила Мерри, обмахиваясь соломенной шляпой. Мы вышли в огород собирать стручки гороха к обеду. – Мне вот тоже больше никогда не исполнится шестнадцать, а на мой день рождения вообще никакого торта не было! Только ежевичный пирог, но очень вкусный, мне ужасно понравилось, – тут же добавила она, бросив на маму извиняющийся взгляд.

– Даже если бы мы нашли шоколад в Эмити-Фолз – а это невозможно, – он для нас слишком дорогой, милая, – пояснила мама, бросая очередную горсть стручков в корзину.

– Лучше бы Тринити вообще не показывала мне эту книжку, – застонала Сейди и обиженно плюхнулась на землю.

– Тебе же понравилось читать сказки, – мягко напомнила я. – И нам тоже.

– Ну что ты как маленькая, Сейди? – Мерри сорвала несколько стручков, висевших рядом с ней. – Нельзя заполнить все, что приходит тебе в голову. Ты не думала, что нам всем чего-то хочется? Не меньше, чем тебе – этот торт? Эллери нужны новые платья, мне – новые книги, а маме... – Она помедлила, нахмутив брови и задумавшись о том, чего может хотеть мама. – Ей очень много всего не помешало бы.

– Я и так всем довольна, – ответила мама. – И я правда очень хотела бы добыть тебе шоколадный торт, пташка моя, но, боюсь, в этом году ничего не получится. – Мама протянула руку и погладила Сейди по щеке, похожей не персик. – Вот что я тебе скажу... У нас есть небольшой запас сахара. Я сделаю тебе трехслойный медовый торт прямо как на картинке, а весной, когда отправят новый обоз, я скажу Джебу... – Она побледнела, осознав, что вырвалось у нее по привычке. – Я скажу тому, кто будет управлять магазином, чтобы в список обязательно внесли шоколадные плитки, и тогда мы приготовим еще один торт. С такой мягкой шоколадной глазурью, что ее придется есть ложкой.

Сейди скрестила руки на груди, явно заинтересовавшись, но не желая соглашаться сразу.

– А я завтра сплету тебе венок, – добавила я. – Будешь в

короне, как принцесса из книжки.

– Какая именно? – уточнила Сейди, как будто это имело значение.

– Любая, гусенок ты мой, – рассмеялась я, помогая ей подняться с грядки.

Она отряхнула юбки с достоинством дуящегося восьмилетнего ребенка и посмотрела на Мерри.

– А ты что мне подаришь?

Мерри открыла рот, явно готовя какой-нибудь остроумный и язвительный ответ, но мама покачала головой. Сестра задумчиво поджала губы.

– Я буду накрывать за тебя на стол до конца недели, – предложила она. – Чтобы у тебя было время заняться делами королевства, как и подобает принцессе.

Сейди склонила голову набок, будто внимая голосу, который слышала только она, а потом радостно захлопала в ладоши.

– Мы с Эбигейл согласны! И венок пусть будет золотой, как солнце! – добавила она, повернувшись ко мне.

Я поднялась, закончив собирать горох:

– Значит, будет золотой!

* * *

Даже после сбора урожая нам не разрешали рвать цветы на наших полях. Закончив срезать соты и оставив пчел го-

товиться к зиме, папа выходил в поле и собирал однолетники, чтобы извлечь из них семена. По весне он любил экспериментировать с разными сочетаниями цветов. Разные виды пыльцы давали разный вкус меда: от некоторых получались такие сладкие цветочные нотки, что сводило зубы. Другие придавали меду густой дымный привкус, отлично сочетавшийся с печеньем и сухарями.

Подготовка цветочных полей была любимым папиным занятием. Он часто признавался, что было бы проще позволить пчелам собирать пыльцу где попало, но понимал, что тогда вкус меда станет непредсказуемым и скучным. Думаю, папа представлял себя таким французским виноделом, который экспериментирует с разными сортами винограда, чтобы создать идеальный купаж. Он вел журналы своих опытов, рисуя иллюстрации и подробно расписывая, какие цветы дают лучший вкус. В итоге получился самодельный справочник, которому позавидовал бы любой ученый-ботаник.

Так что в день рождения Сейди, отправившись за цветами для венка, я ушла подальше от дома и забрела на запад, к трем водопадам, впадавшим в Зеленое озеро. Там была большая полянка с кислицей, которая отлично подходила по цвету для золотой короны.

День снова выдался жарким, поэтому, усевшись среди цветов, я расстегнула две верхние пуговицы платья и начала обмахиваться. По утрам было холодно, на грани заморозков, но, как только солнце заливало светом долину, начиналась

удушливая жара под стать скорее июлю, чем сентябрю.

Я сплела небольшой кружок из тростника и плюща – основание венка – и уже собиралась начать оплести его, как вдруг раздался чей-то голос, застав меня врасплох:

– Чудесный денек, не так ли?

Между сосен мелькнул силуэт, почти такой же темный и тонкий, как лесные тени. Он вышел на солнце, и я узнала загадочного траппера, который назвался Прайсом. На его заплечном мешке болтались, бряцая, различные инструменты и большой мачете, которым он, скорее всего, прорубался сквозь кустарник в лесу. А еще с сумки свисала впечатляющая коллекция кроличьих лапок, собранных в длинную связку, – мрачноватое украшение из меха и когтей. Интересно, зачем человеку повсюду носить с собой столько хлама на удачу?

– Но жаркий, – добавил он и уселся на землю всего в нескольких футах от меня.

У него на лбу блестел пот, а рукава были закатаны до локтей, обнажая темно-зеленые полосы татуировок, опоясывающих его запястья, точно браслеты. В них виднелся какой-то узор, но я не могла как следует разглядеть его. Покопавшись в мешке, Прайс достал фляжку, встряхнул ее и предложил мне. Я отказалась, и тогда он сам допил остатки воды. Я постаралась не пялиться на его кадык, перекатывавшийся от каждого длинного глотка.

Этот юноша был до неприличия привлекателен. Он закру-

тил крышку и вытер губы тыльной стороной руки.

– Есть не хочешь? – спросил Прайс, извлекая из сумки небольшой кулек. В нем лежало вяленое мясо, вкусно пахнущее специями.

Я покачала головой. Дома мама готовила настоящий пир к ужину, так что я не хотела перебивать аппетит. Юноша пожал плечами и принялся за мясо.

– Значит, мне больше достанется. Что ж, Эллери Даунинг, ты, стало быть, возомнила себя королевой фей?

– Я... что?

Он показал на незаконченный венок у меня на коленях.

– Не сочти за грубость, но тебе лучше выбрать другие цветы. Желтые тебе совсем не подходят. Нужно что-нибудь, что сочеталось бы с твоим розовым румянцем. – Он сорвал кремовый цветок клевера и поднес к моему лицу. – Вот это подойдет намного лучше.

– Это не мне, – возразила я, уклоняясь, пока Прайс не догадался, как сильно мне хочется, чтобы его пальцы случайно коснулись моей кожи. – Это сестре на день рождения.

– Сегодня?

Я кивнула.

– Тогда непременно передай ей мои наилучшие пожелания.

– А от кого передать? – спросила я, испытав вдруг прилив смелости.

Он помедлил, внимательно рассматривая меня. Сегодня

его глаза были теплого янтарного цвета.

– От Прайса, разумеется.

– Не может быть, чтобы тебя на самом деле так звали.

Он улыбнулся, и я заметила две ямочки точно посередине его щек.

– Почему нет?

– Это имя тебе совсем не подходит, – сказала я, обратив его же слова против него.

На его щеках снова мелькнули ямочки, и я сорвала несколько цветов, чтобы отвлечься.

– Ладно, ладно. Я соврал твоему отцу. Ты, знаешь ли, ужасно проникательна. – Он сорвал еще один клевер и оплел его вокруг первого.

– Зачем тебе врать?

Он добавил еще цветок в цепочку, потом еще один.

– Я здесь недавно. Никого не знаю. Меня тоже никто не знает. С чего мне разбрасываться своим именем?

– Чтобы люди могли узнать тебя получше.

Он пожал плечами:

– Ты и так можешь узнать обо мне что угодно. Имя не меняет моей сути.

– А фамилия?

Юноша фыркнул, а его тон стал мрачным:

– А фамилия вообще не имеет никакого отношения к моей сути.

Он сказал папе, что путешествует без родителей – инте-

ресно почему? Сам ушел из дома? Или его разлучили с родителями? Может, они в плену или погибли? В Эмити-Фолз редко доходили вести из внешнего мира, но я знала, что на западе бродят бандиты, которые нападают на караваны, крадут припасы и деньги и уносятся прочь в клубах пыли. Некоторые из них пользовались большей известностью, чем те, кто их ловил. Может, отец этого юноши бандит? Может, его фамилия запятнана чужими преступлениями?

– Расскажи мне об имениннице, – попросил он, ловко меняя тему. – Она младше или старше тебя?

– Младше. Ей сегодня исполняется восемь.

Неподалеку от него из камней торчали несколько цветков горного старожила, и я потянулась к ним, чтобы сорвать один. Этот желтый цветок отлично подходил на роль главного самоцвета в золотой короне.

– А как ее зовут?

Я скептически приподняла бровь:

– Серьезно?

– Подай мне вон тот, пожалуйста, – попросил он, указывая на белоснежный цветок клевера возле моего бедра.

– Ни за что бы не подумала, что ты умеешь плести венки.

– У меня много скрытых талантов, Эллери Даунинг. Очень много. – Он сделал еще одну петлю. – Меня сестра научила.

– Она младше или старше тебя? – спросила я, повторяя его вопрос.

– Намного младше. Мне было тринадцать, когда мама ее родила. Амелия любила собирать цветы. Могла целый день просидеть в поле, плела веночки, ожерелья и браслеты для всех знакомых.

– А носить их приходилось тебе, да? – Я заметила, как мой собеседник перешел на прошедшее время, но не стала ничего говорить. Он и так уже рассказал о себе намного больше, чем раньше.

– Именно так! – рассмеялся юноша. – Она заболела, – добавил он, уловив мое любопытство.

– Мне очень жаль.

Прайс пожал плечами, доплел венок и закрепил его.

– Идеальное украшение для светловолосой королевы фей, – объявил он, водрузив свое творение мне на макушку и одобрительно кивнув. – Я был прав, эти цветы отлично тебе подходят.

Мои щеки запылали под взглядом его блестящих глаз, и, чтобы не смотреть на него, я схватила первый попавшийся цветок.

– Уверен, твой кавалер сегодня будет в восторге.

– Сегодня? – повторила я, решив не поправлять его.

– У такой красивой девушки наверняка есть хотя бы один серьезный ухажер, которого уже зовут на семейные праздники. Как думаешь, что он принесет малышке...

Он сделал паузу, явно надеясь, что я забудусь и выдам имя сестры.

– Подарка не будет, это точно, – сказала я.

Прайс наморщил нос. Его, похоже, позабавило, что я не попала в ловушку.

– Каков грубиян! Если бы мне повезло ухаживать за такой умной и очаровательной девушкой, я бы непременно принес твоей сестренке роскошный подарок.

– Правда?

Я попыталась представить, как он сидит на крыльце вместе с нами и потягивает пунш. Мы все дарим подарки и слушаем смешную болтовню Сейди. От этой картины мою грудь пронзило острое тоскливое чувство.

Прайс с серьезным видом кивнул, а потом вдруг резко наклонился, будто хищная птица, камнем падающая на землю, и сорвал что-то зеленое. Он покрутил листок в руках, любясь им. Я наклонилась поближе, пытаюсь понять, что это.

– На удачу в будущем году.

Его большой палец задел мой указательный, когда я взяла у него маленькое сокровище.

– Четырехлистный клевер! – воскликнула я. В детстве я провела не один вечер в поле, разыскивая его, но мне никогда не везло. Этот был просто прекрасен: все листки глубокого изумрудного цвета и совершенно одинаковые. – Как ты его разглядел?

Он пожал плечами с неожиданной для меня скромностью.

– Я всегда легко их находил.

– А я впервые вижу такой... Сейди очень понравится, –

призналась я и только потом поняла, что натворила. Я запоздало прикрыла рот рукой.

– Передай Сейди Даунинг, что я желаю ей огромного счастья, – сказал Прайс с широкой ухмылкой.

Я осторожно убрала драгоценный листок в карман платья, а затем провела рукой по клеверу, пытаясь найти еще один для себя. Но перед глазами было лишь море трилистников.

– Можно дать тебе совет? – спросил Прайс, опускаясь на колени рядом со мной так близко, что наши бедра соприкоснулись. Он наклонился над клевером, уперев локти в землю, и тоже принялся искать. – Обычно они растут по краям.

– По краям, – повторила я и наклонилась пониже, внимательно рассматривая поросль клевера.

– Удачу нельзя спрятать в толпе, – пробормотал он, проводя пальцами вдоль границы зарослей клевера. – Она не станет сливаться с фоном. Ей хочется, чтобы ее нашли. Просто нужно знать, где искать.

Быстрым движением он выхватил еще один листок, раскрыл ладонь и выразительно глянул на меня, словно предлагая взять клевер.

Когда я потянулась за листком, он резко сжал руку, поймав мои пальцы своими, грубоватыми и теплыми. Его прикосновение, столь неожиданно нежное, пробудило во мне трепет. Волнение напоминало блики, пляшущие по водам Зеленого озера.

– А твой кавалер так же держит тебя за руку?

Наши взгляды встретились, и я почувствовала, как вверх по шее ползет румянец. Я не могла пошевелиться, не могла вдохнуть, ничего не могла, только смотрела в бездну его янтарных глаз. Сердце не понимало, где ему биться: то ли подскочить до самого горла, то ли рухнуть вниз. Я понимала, что мои щеки, скорее всего, пылают, но по телу пробежала головокружительная дрожь удовольствия и страха. Я разрывалась пополам, наслаждаясь его присутствием и в то же время мечтая, чтобы он поскорее ушел, пока я не натворила чего-нибудь, за что нам обоим будет стыдно.

– У меня... у меня его нет, – призналась я наконец, высвободив руку и оставив клевер в его ладони.

Его губы сложились в ленивую улыбку, а глаза весело прищурились.

– Правда? – Он на секунду задумчиво уставился на листок. – Забирай. Мне удача, похоже, и так уже улыбнулась.

Я добавила последний цветок в венок Сейди и встала, отряхивая юбку.

– Мне пора домой.

Он откинулся на спину, опираясь на локти, и посмотрел на меня снизу вверх.

– Так скоро?

Я пошевелила в ботинках пальцами, разминая их и обдумывая свой следующий шаг.

– Хочешь пойти со мной? Папа ведь приглашал тебя на ужин... А у мамы еды на всех хватит. Сможешь сам подарить

клевер Сейди.

Прайс задумчиво склонил голову набок:

– Ужин с семейством Даунинг... Ужин в обществе Эллери...

Он резко вскочил на ноги. Его повадки напоминали кошачьи: ленивая медлительность быстро сменялась изящными движениями.

– Нужно привести себя в приличный вид. Во сколько мне подойти?

Мы впервые стояли так близко, и я наконец осознала, насколько он выше меня. Хотя я была самой высокой девочкой в классе, моя макушка едва доходила ему до плеч. На мгновение я представила, как он меня обнимает. Я бы устроилась у него под подбородком, в надежном кольце его рук... Я прогнала эти дикие мысли.

– Извини... Мы обычно ужинаем около шести.

Прайс кивнул:

– Отлично. Мой лагерь вон там, чуть выше, – добавил он, указывая на просвет в соснах примерно в полумиле от нас.

– Там безопасно? – спросила я, направляясь к дому, и заметила, как он специально укорачивает шаг, чтобы не обогнать меня.

Прайс с нахальной улыбкой почесал ухо:

– А что, хочешь присоединиться?

Жар у меня в груди, едва утихнув, полыхнул с новой силой, заливая лицо краской стыда.

– Нет, конечно! Ты бы, знаешь ли, последил за языком в наших местах. Многие отцы пристрелили бы любого, кто посмел бы так разговаривать с их дочерьми.

В его глазах сверкнул восторг.

– А Гидеон?

– Возможно.

Он одобритительно кивнул:

– В таком случае я буду уважать его еще больше.

– Как там твои капканы? – спросила я, чтобы сменить тему. От одной мысли о том, что этот незнакомец – *мой* незнакомец, как я его мысленно называла, – бессовестно флиртует с другими девушками, я почувствовала укол незнакомой мне прежде ревности.

– Мне уже несколько раз повезло по мелочи, – ответил он, перепрыгивая через упавшую ветку. – Но я жду чего-нибудь покрупнее.

– Оленя? – предположила я, не зная, что он может счесть хорошей добычей.

Его зубы сверкнули на солнце.

– Намного крупнее, Эллери Даунинг.

Я помедлила, взвешивая свои следующие слова:

– Я до сих пор не знаю твоего имени.

– Разумеется, не знаешь, – ответил он, насмешливо приподняв уголок губ. – Я же его не называл.

Я подождала, полагая, что сейчас он наконец представится, но мой незнакомец спокойно продолжал шагать, прими-

ная высокую траву. Молчание его, похоже, не смущало. Наконец он поднял взгляд, заметил, что я смотрю на него, и приподнял брови, словно бросая вызов. Эта шутка слишком уж затянулась и с каждой минутой становилась все более неловкой.

– Мне все равно, какая у тебя фамилия... Я считаю, что человек должен сам найти свое место в мире... И неважно, кто его родители... И что они сделали.

– Как великодушно с твоей стороны.

Я перекинула косу за плечо.

– Просто я хотела сказать...

– Знаю, что ты хотела сказать, Эллери. И... Как человек, чья семья сделала много плохого... Я это ценю.

Я была права! Я тут же сочинила для него головокружительную романтическую историю жизни: мальчик, выросший в опасном мире разбойников с большой дороги, грабящих повозки и экипажи. Может, папа даже слышал о его отце-преступнике.

– Но было бы приятно знать, как тебя называть. Хоть какое-нибудь имя, – не отставала я. Последовало несколько секунд тишины. – Ты правда мне не скажешь?

– Правда, – рассмеялся он. – Не скажу. Тебе не кажется, что имена несут в себе особую власть? Стоит назвать кому-нибудь свое имя – и этот человек может потянуть тебя за собой.

Я наступила на шаткий камень и споткнулась. Прайс пой-

мал меня за руку, помогая удержаться на ногах.

– Я... я не совсем понимаю...

– Эллери Даунинг! – Его громкий крик вырвался из груди, словно пушечный выстрел.

Я резко перевела взгляд с его руки, сжимавшей мою, на его лицо. Он наморщил нос:

– Вот видишь. Власть.

Он был прав, но я пока не хотела это признавать.

– Ты невозможный человек.

– Да, пожалуй. Что ж, здесь я вынужден тебя покинуть.

Мы остановились у просвета в соснах, и я вдруг поняла, что не знаю, куда девать руки. Они казались мне слишком большими и неловкими, и, как бы я их ни сложила, выходило неестественно.

– Значит, увидимся вечером... – Я сделала паузу, давая ему шанс заполнить ее. – Это просто нелепо. Нужно же мне как-то тебя называть.

– Почему?

– Потому что у всего на свете – по крайней мере, у того, что важно, – есть имя. Так уж все устроено. Я могу перечислить названия всех цветов, что растут в долине, всех этих деревьев, – сказала я, жестом обводя лес у него за спиной. – И меня бесит, что я не знаю, как тебя называть.

Он с простодушным видом развел руками:

– Я пытался назвать тебе имя, но тебя оно не устроило. Называй меня как хочешь. Придумай сама, это не важно.

– Еще как важно! Такое не может быть не важно. Я ведь не просто так поняла, что тебя зовут не Прайс. Тебе это имя не подходило. У имен должен быть смысл.

– Ты можешь вкладывать в них какой угодно смысл, но в конечном счете разве это имеет значение? – Он указал на ярко-оранжевый цветок у своих ног. – Я не знаю, как называется это растение, но знаю, что оно приятно пахнет и помогает от ожогов.

– Это *Calendula arvensis*. Полевые ноготки, – тихо ответила я.

– Так ты еще и на латыни имена раздаешь? – Он перевел взгляд на лес, и я испугалась, что слишком на него надавила. – А что значит «Эллери»?

Я помедлила.

– «Радостная».

Он потер подбородок:

– А между тем я тебя совсем расстроил.

Наши взгляды встретились, и я увидела, что его глаза потемнели, став почти такими же зелеными, как...

– Уитакер, – вдруг решила я. – Вот как я буду тебя называть.

В его глазах сверкнули веселые искорки.

– Ты посмотрела на меня и решила, что я Уитакер?

– Я посмотрела на них, – ответила я, показывая на деревья у него за спиной. – Тебе, скорее всего, безразлично, но это

белые пихты². Они достигают более сотни футов в высоту, а самые толстые ветки у них растут прямо у корней, покрывая всю землю. Без тропинки даже акр такого леса пройти невозможно. Он совершенно непроницаем. Совсем как ты.

Он так пронзительно посмотрел на меня сверху вниз, что мне захотелось отвести взгляд, но я не могла пошевелиться.

– Значит, Уитакер. – Он протянул руку, как будто это была наша первая встреча. – Здравствуй. Я здесь совсем недавно. Меня зовут Уитакер Прайс.

– Эллери Даунинг, – ответила я, пожимая его руку.

– Рад знакомству, Эллери Даунинг.

Он опустил руку, и я увидела, что в моей ладони остался четырехлистный клевер. Уитакер Прайс, не прощаясь, зашагал по тропе, но обернулся и подмигнул мне, прежде чем скрыться среди деревьев.

² Английское white fir созвучно имени Уитакер (Whitaker).

– Сегодня вечером к нам на ужин придет гость, – объявила я, врываясь в кухню через заднюю дверь.

Мама, готовившая торт для Сейди, подняла голову. Она, как и обещала, изменила свой рецепт, чтобы получился поистине впечатляющий многослойный шедевр. Я еще никогда не видела таких тонких коржей, перемежающихся точно такими же по толщине слоями крема. Нижний корж был больше всех, средний поменьше, а в верхний, самый маленький, были воткнуты восемь розовых свечек, крошечных, как спички. Я знала, что папа сделал их специально для Сейди. Обычно мы не красили свечи. Естественный янтарный оттенок пчелиного воска сам по себе создавал приятное теплое свечение. Не было нужды что-то менять. Но Сейди обожала розовый цвет. А папа обожал Сейди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.